

[Polaris]

А. Е. Зарин

КАРТОЧНЫЙ
МИР

Зарин А. Е. Карточный мир: Повесть. - Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. - 87 с., илл. - (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. IV).
//Salamandra P.V.V., 2013
FB2: "alex_p", 2013-08-15, version 1.1
FB2: "Psychedelic", 2013-08-15, version 1.1
UUID: 00252C1B-E256-49F8-ACA2-AECE40A215CA
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Андрей Ефимович Зарин

Карточный мир

Фантастическая история о том, как переодетый черт посетил игорный дом в Петербурге, а также о невероятной удаче бедного художника Виталина.

Повесть «Карточный мир» принадлежит перу А. Зарина (1862–1929) — известного в свое время прозаика и журналиста, автора многочисленных бытовых, исторических и детективных романов.

Содержание

Андрей Ефимович Зарин Карточный мир . . .	0005
#1	0005
I	0006
II	0009
III	0011
IV	0016
V	0021
VI	0026
VII	0028
VIII	0037
IX	0045
X	0050
XI	0055
XII	0062
XIII	0068
XIV	0072
XV	0077
XVI	0079
XVII	0085
XVIII	0093
XIX	0102
XX	0106
XXI	0112
XXII	0116
XXIII	0119

XXIV.....	0121
XXV.....	0122
Об авторе.....	0124

Андрей Ефимович Зарин Карточный мир

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

IV

Salamandra P.V.V.

Повесть

Всякий черт бывает сначала только чертенком. В этом периоде он состоит как бы подручным, а вернее «в мальчишках», у настоящего черта. Тот его посылает с разными поручениями, иногда на разведки, иногда просто с

запискою и только изредка доверяет сделать какую-нибудь мелкую пакость.

Спустя много времени такой службы чертенка подвергают испытанию, предоставив ему свободу действий, и тогда уже выдают ему, так сказать, аттестат зрелости с правом свободного пакостничества, зачисляют в настоящие черти и разрешают иметь, уже в свою очередь, чертенят для обучения.

Так было и с этим чертенком. Патрон заявил ему, что он готов к испытанию. Совет дал ему полугодичный отпуск с правом свободы действий, и чертенок, полный самых честолюбивых мечтаний, очутился в Петербурге, на углу Невского проспекта и Екатерининской улицы в десять часов одного зимнего вечера.

Никто из проходящих и гуляющих по ярко-освещенному проспекту и не подумал даже, что между ними трется чертенок.

Головенку с рожками покрывала хорошая мерлушковая шапка фасоном «мономах», хвост и копыта были скрыты соответствующими частями костюма.

Сверху на нем было теплое пальто с ворот-

ником «под бобер» и — маленький, юркий, с острым подбородком, крючковатым носом и руками, глубоко засунутыми в карманы пальто, — он казался шустрым комиссионером, биржевым зайцем, помощником присяжного поверенного, вообще «бойким дельцом», но никак не чертенком.

Впрочем в их существование у нас не принято верить, а потому, ему в отношении своего инкогнито, совершенно нечего было беспокоиться.

Он медленно огляделся и пошел неторопливой походкой, присматриваясь к людям и думая свои думы.

Временно совратить человека с пути это не штука! Сущие пустяки. Вон стоит девушка у витрины ювелирного магазина и ее глазки горят, как сверкающие за стеклом витрины камни.

Подобрать тут же в толпе жирного мартовского кота, свести их подле этого окошка и — дело сделано: девчонка погибла...

Вон солидный господин жадно разглядывает билеты и акции в окне меняльной лавочки. Подбить его на грабеж — пустое дело... Вон идет франт в шинели, которого в два дня можно убедить обворовать старуху тетку а то и притюкнуть ее... А что толку в этом? Так... Мелкая пакость...

Потом и девчонка, и ограбивший менялу, и убивший тетку будут раскаиваться, проливать слезы и сваливать все на него, чертенка.

А там еще, чего доброго, и опять станут добродетельными...

Нет! Этим не отличишься.

Надо так увлечь человека, чтобы он, ослепленный пошел от своего пути круче и круче в

сторону; чтобы он пакостился день за днем, час за часом, неизменно, последовательно, и — опомнившись — все-таки не пришел бы в себя и потерял бы навек прямую дорогу.

Вот это дело! За это похвалят...

Размышляя в этом направлении чертенок поднял свои воровские глаза и вдруг, озаренный вдохновеньем, быстро направился к двум мужчинам, входившим в Café de Paris, что под Пассажем.

Они вошли, заняли столик, потребовали кофе и стали продолжать прерванный разговор, а чертенок сел за столиком подле них и, спросив стакан морса, стал вслушиваться в их беседу.

III

Вошедшие в кафе были совсем разные люди, хотя и говорили друг другу «ты». Когда-то они вместе учились, но потом судьба кинула их в разные стороны, занялись они различной деятельностью и теперь — кроме возраста да воспоминаний о гимназии — между ними не было ничего общего.

Один — Василий Петрович Кострыгин — высокий, плотный господин в лощеном цилиндре, в хорошем пальто с воротником и выпушкой из шаншилы, производил впечатление бойкого дельца. Румяное, красивое лицо его с тщательно расчесанною рыжею бородою дышало самодовольством; серые глаза за стеклами массивного золотого пенснэ глядели вызывающе нагло.

Другой — Федор Павлович Виталин — в барашковой шапке, в потертом пальто с барашковым воротником, казался перед товарищем совсем бедняком, но бледное лицо его с маленькой бородкой, с задумчивыми карими глазами дышало мыслию и озарялось внутренним светом.

Развязные манеры и громкий голос Кострыгина видимо смущали его.

Этот Кострыгин был деятельным членом одного акционерного предприятия, имел всегда деньги, легко добытые комиссионерством или иным необременительным трудом и вел сытую беспутную жизнь холостого жуира.

Другой — талантливый художник, мечтатель. У него были жена и дети и его мечты и планы часто меркли в заботах о насущном дне.

И теперь: в то время, как его бывший товарищ по гимназии беспечно отдавался безделью с бумажником, полным денег — он, имея в кармане всего 12 рублей, думал о необходимости отвратить завтрашний приход судебного пристава в полном сознании своего бессилия.

А рядом с этими тяжелыми думами в его уме запечатлевались образы и краски.

Усатое лицо с загнутым носом склонилось над столиком к хорошенькому свежему личику девушки и та в смущении смеется и опускает глаза...

Лицо уличной вакханки в шляпе с огром-

НЫМИ полями, с вызывающим наглым взглядом...

И в комнатах, наполненных волнами табачного синеватого дыма при ярком освещении электрических фонарей все эти лица и фигуры, и краски, как-то расплывались и принимали образы чего-то фантастического, неживого.

Он отмечал в уме позы, выражения лиц, краски, освещенье и его лицо принимало вдохновенно-мечтательное выражение, — но следом за этим набегали мысли о завтрашнем утре и лицо его тотчас меркло, как меркнет ясный день с закатом солнца.

Чертенюк не спускал с него хищного взора и радостная улыбка кривила его тонкие губы, обнажая мелкие, острые, как у щуки, зубы.

— Нет, дорогой мой, — говорил Кострыгин художнику густым, сочным басом: — картинками да рисунками не разбогатеешь. Надо Репиным быть. Да! — ты не обижайся, а лучше слушай меня. Я тебя кой с кем познакомлю. Ты им — портреты, а они тебе место. Дело говорю. Что? Искусство? Виньетки-то эти, буквы, картинки? Брось! Да и на кой прах оно,

это искусство, если в животе бурчит! Ха-ха-ха!

Виталина коробили его слова, как всякая пошлость, и он, желая переменить разговор, торопливо сказал:

— Ну, все я да я! Расскажи, как ты устроился? Десять лет не виделись!

— Немудрено. Я тут всего четыре месяца. Устроился ничего себе. Тысчонок девять, двенадцать наколачиваю и — один, ха-ха-ха!.. Был и на Урале, и в Екатеринославе, и в Баку, везде дела делал. Теперь здесь при Бельгийском анонимном обществе... Ничего устроился, — повторил он самодовольно.

— Ты всегда был делец, — не без зависти произнес Виталин.

— Делец не делец, а мимо рта не дам пронести. Они допили кофе.

— Ну, ты куда?

— Домой, — ответил Виталин.

— Стой! — произнес Кострыгин. — Дома тебе все равно теперь не писать картины; с женой еще успеешь насидеться. Поедем со мною!

— Куда?

— Мне надо в клуб! А ты побродишь, по-

смотришь, как играют... Чай, и не знаешь этого? А там вместе поужинаем... А?

Виталин колебался. Ему представилась жена, которая с нетерпением ждет его, зная, что он пошел искать денег; но тут же у него мелькнула мысль — как последняя надежда — занять нужную сумму у богатого приятеля.

Чертенок напруг свою волю и впился взором в художника.

— Что же... пожалуй! — согласился он.

— Вот и отлично! — воскликнул Кострыгин. — Человек, сколько следует?

И, бросив на столик монету, он взял Виталина под руку и пошел к выходу.

Чертенок положил на столик фальшивый двугривенный и поспешно пошел следом за ними.

— К Синему мосту, — громко сказал извозчику Кострыгин.

— Пожалте!

Извозчик перегнулся и отстегнул полость.

Кострыгин занял три четверти сиденья, Виталин приткнулся с краешка. Извозчик застегнул полость, дернул вожжами и его сани

смешались с вереницею других саней. Чертенок обернулся собакою и весело побежал за ними.

IV

На углу Мойки и Нового переулка четвертый этаж огромного дома сверкал ярко освещенными окнами.

Было 11 часов и к его подъезду со всех сторон подходили и подъезжали люди в шинелях, шубах и легких пальто.

Двухстворчатые двери хлопали то и дело.

Извозчик лихо подвез Виталина и Кострыгина к подъезду, они вышли из саней и прошли следом за другими.

Чертенок быстро шмыгнул следом за ними, но уже невидимкою.

Внизу, у первой площадки лестницы посетители снимали галоши, брали номерки и иные степенно, а иные бегом, поднимались по широкой лестнице.

Кострыгин взял художника под руку и, идя с ним за другими, снисходительно говорил ему:

— Живешь безвыездно в Петербурге, а —

поди — и не знал этого места?

— Не знал, — ответил простодушно Виталин.

— А я всего здесь четвертый месяц и уже член! — самодовольно сказал Кострыгин и продолжал: — общедоступное Монте-Карло, так сказать! Здесь весело. Хочешь поиграть — вволю! И девчонки есть, — прибавил он; — по субботам маскарады. Простота нравов и всякому по средствам. Ха-ха-ха! Ну, идем!

Они поднялись на третью площадку лестницы и вошли в помещение клуба.

Направо, отгороженные длинною стойкой, стояли вешалки, сплошь завешанные шубами и пальто; налево, через раскрытые двери, была видна ярко освещенная пустая зала; а прямо, за небольшим широким прилавком, сидел толстый блондин, удивительно похожий на кота, и продавал входные билеты.

Подле него стоял приземистый мужчина во фраке, с золотыми пуговицами, с густыми черными бакенбардами, походивший на важного сановника.

— На мое имя! — небрежно сказал Кострыгин господину, похожему на кота, указывая

на Виталина.

— На раз или на год?

— Пишите на год. Может, соблазнишься и без меня ходить станешь, — сказал смеясь Кострыгин Виталину, — ну, плати пятьдесят пять копеек!

Виталин заплатил и получил билетик. Кострыгин подхватил его под руку и ввел в огромный зал, по которому спешно проходили входящие, направляясь в двери налево или направо.

— А! Василий Петрович! — воскликнул юркий рыжий господин с красным носом, обращаясь к Кострыгину, — ты то мне и нужен! Дельце, батенька!

— Ну, я тебя оставлю, — сказал Кострыгин Виталину, — погуляй пока, а там будем ужинать!

Он обнял рыжего господина за талию и, кивнув приятелю, пошел в двери направо.

Виталин постоял с мгновенье, увидел огромный портрет Екатерины Второй и подошел к нему.

Великая императрица была написана во весь рост.

На роскошной раме была доска с выгравированной подписью милостивых слов, которыми она удостоила открытие первого общественного собрания в Петербурге.

«Копия с Боровикова», определил Виталин и, повернувшись, пошел в ярко освещенные комнаты.

В первой небольшой комнате стояло несколько ломберных столов и за ними играли в винт сосредоточенно, утрюмо.

В следующей большой комнате — то же. В ней же, в углу за столом, сидел Кострыгин и о чем-то оживленно толковал с рыжим господином, подле которого стоял толстый лысый армянин и, широко улыбаясь, кивал головою.

Виталин прошел через эту комнату и очутился в буфетной.

Несколько человек группами сидели за столиками, пили чай и громко разговаривали.

— Какой банк! Какой банк! — сокрушенно восклицал маленький черный еврей, — четыреста рублей! Я говорю ему: сними он: нет! И... сорвали... да!

Впереди видна была еще огромная, слабо

освещенная, комната.

В ней за большими круглыми столами сидели мужчины и женщины, играя в карты.

Столы освещались лампочками под широкими абажурами, отчего в огромной комнате было относительно темно.

Дамы и мужчины играли в мушку.

Виталин остановился подле одного стола и равнодушно смотрел на игру.

Рыжий еврей, похожий на ростовщика; старичок, похожий на менялу; видимо, пьяный прикащик и две дамы: одна огромная, толстая, с усами и густым басом, другая маленькая с ярко горящими глазами, с острыми чертами лица, похожая на скворца.

Они играли и ссорились.

Виталин пошел дальше.

В бильярдной двое лениво играли на бильярде. В читальной лысый старичок громко храпел в кресле, прикрыв лицо платком.

Виталин вернулся через буфет и две залы снова в зал, где висел портрет Екатерины, и прошел в следующие комнаты.

Небольшая гостиная с фруктовым буфетом.

Полутемная большая комната с рядами стульев вдоль стен. Дальше — налево — двери вели в ярко-освещенный зал. Он переступил порог и остановился пораженный зрелищем.

V

В первый момент ошеломленному Виталину показалось, что он попал на Лысую гору — так все было необыкновенно. Он стоял на пороге ярко освещенной залы; небольшая передняя часть ее была отделена четырьмя белыми колоннами, а за ними раскинулась остальная огромная часть залы с рядами белых колонн по сторонам, вся залитая ярким электрическим светом громадных люстр.

И на всем ее огромном пространстве, словно на ярмарке, толкались, суетились и шумели люди.

Сизый дым висел облаками и в его тумане вдруг выделялось красное, разгоряченное лицо с вытаращенными глазами или поднимался кто-нибудь бледный, как мертвец.

И, словно дьявольский оркестр, в воздухе стоял сплошной гул, среди которого вырывал-

ся то громкий какой-то утробный смех, то проклятие, резкое бряцание тяжелых серебряных монет и мягкий звон золота.

Виталин стоял, пораженный зрелищем, перенесенный внезапно из скучных молчаливых зал в атмосферу этого вихря страстей.

Бесцеремонно толкнув его, в залу торопливо прошли два юрких еврея и скрылись за колоннами в тумане сизого дыма.

Молодой офицер прошел туда же, на ходу озабоченно считая серебряные рубли.

Из-за колонн вышли два господина и, весело смеясь, что-то говорили, показывая друг другу деньги.

Почти тотчас за ними вышел кругленький плешивый толстяк с красным, потным, растерянным лицом.

Ничего не видя перед собою, он наткнулся на Виталина, пробормотал «извините», наткнулся на притолоку и растерянно вышел за двери.

«Играют!» решил Виталин и двинулся вперед в шумящую и метущуюся толпу.

Тремя рядами во всю длину залы стояли восьмиугольные игорные столы с расчерчен-

ными на них кругами и сегментами и вокруг каждого из них толпились кучею люди.

Со всех сторон раздавались выкрики:

— Ответ! — кричали в одном месте монотонным голосом: — ответ!

— Двенадцать рублей приема! — кричали в другом, — восемь рублей! Шесть!..

— Мои! — раздавался голос.

— Банк покрыт!..

Между играющими ходил человек, с виду прикащик, с кожаной сумкой через плечо и, покрывая шум голосов, время от времени, выкликал:

— Место! Одно место!

Где-то поднялся спор, в другой стороне загремел дружный хохот.

Снующие, взволнованные люди, видимо, все знакомые между собою, громко обменивались фразами.

— Я говорил ему: сделай ромбус! Нет, не послушал — и сорвали...

— Ему не везет...

— Голубчик, одолжи три рубля. Завтра отдам!

— Иди к черту, я и так проигрался.

— Ну, рубль!

— У меня всего пять осталось...

— Ну, хорошо! Я тебе припомню...

Виталин втиснулся в толпу, окружавшую один из столов, и стал смотреть на игру.

На всем столе деньги; золотые и серебряные монеты, ассигнации... Рыжеватый блондин в пенсне, держа в руке толстую колоду карт, стал сдавать на четыре руки: налево, прямо, направо и себе... сдал по четыре карты... сидящий от него слева из особого футляра вынул и открыл одну карту и положил ее наверх; следом за ним сидящие за столом открыли свои карты и тотчас раздались злобные возгласы:

— Опять!

— Вот повезло!

— Комплект! — радостно воскликнул сдававший карты и, приподнявшись, загреб все деньги, лежавшие на столе, и придвинул их к себе не считая...

— Третий комплект! Этак без галош уйдешь! — сказал кто-то и отошел.

Сдававший снова взял карты. Со всех сторон к столу потянулись руки и на стол посы-

пались деньги.

— Пятнадцать в круг, десять на шваль! — кричал кто-то.

— Пять на второе!

Виталина совсем притиснули к столу.

— Игра сделана! — сказал рыжий блондин и снова сдал карты.

На этот раз он, после того, как открыли козыря, с досадою отбросил свои карты, а все стоящие вокруг громко засмеялись.

— Опять комплект!

— Наоборот только...

— Не все коту масленица...

— Кабы знать...

— Пятнадцать взял, а шестьдесят проставил... Рыжий блондин приподнялся и быстро производил расплату: серебряные и золотые монеты со звоном падали на стол; к ним протягивались со всех сторон руки и сгребали деньги... стол очистился и рыжий блондин опять взял карты.

— Сделайте маленькую! — сказал он.

— Раздача! — крикнул кто-то весело.

Виталин опустил руку в карман, достал три рубля и кинул на стол.

— В круг? — спросил его сидящий за столом.

— Все равно, — смущенно ответил он и замер. Рыжий блондин стал сдавать карты...

VI

Чертенюк, приняв вид господина, внушающего доверие, ходил вокруг игорных столов, толкался между игроками и радовался. Взглянув на человека, он сразу проникал в его сокровенные думы, сразу определял его положение, даже постигал то, что у нас теперь определяют термином «подсознание», и, видя все это скрытое также ясно, как мы видим рыб в аквариуме, весело и горделиво улыбался.

Солидный с виду человек... а два часа тому назад он выкрал из комода жены последние восемнадцать рублей и теперь играет на них в мечте о выигрыше...

И черт, забавляясь, потерялся подле него, несколько раз навел его руку на выигрышные места, помог ему из восемнадцати рублей сделать двести десять — а потом отошел в сторону и, чуть не хохоча во весь голос, смотрел,

как тот стал проигрывать, заметался, проставил последний рубль, вытер платком вспотевшее лицо и растерянно оглянулся по сторонам.

«И влетит ему дома!» подумал радостно чертенок.

С бледным лицом, воспаленными глазами сидел за столом пожилой господин... через неделю ревизия кассы и в ней недочет... вся надежда на выигрыш, ради чего он взял оттуда и сегодня пятьсот рублей... Черт уже видел ревизию, знал, что этот господин через неделю будет качаться под потолком своей спальней на шнурке от халата — и радостно улыбался.

А когда все эти игроки, с трепетом делая свои ставки, призывали молитвенно Божью помощь, черт буквально надрывался от смеха, так что один раз к нему подошел черный курчавый еврей и, с веселой улыбкой кивнув ему головой, сказал:

— Вы, верно, много выиграли? Одолжите до завтра золотой!

Черт тотчас дал ему десятирублевый; еврей жадно схватил его и убежал, а через пол-

часа раздались крики, ругань, плаксивый голос еврея и оказалось, что он делал ставки по золоченным четвертаком.

У него отобрали выигранные деньги и выгнали его из зала.

Черт потешался и совсем было забыл про намеченную жертву, как вдруг увидел Виталина, протискивающегося к одному из столов с зажатым в кулаке рублем.

Последним!..

Лицо Виталина было бледно, глаза потухли, губы кривились беспомощной улыбкой.

VII

Был момент когда у Виталина образовалось боколо пятидесяти рублей. Но на уплату долга нужно было восемьдесят рублей, на жизнь — хоть двадцать и он решил играть до выигрыша в сто рублей и остался с одним.

А теперь он думал, что двадцать пять рублей могли бы остановить роковой приход пристава, другие двадцать пять дали бы ему спокойствие на неделю — и ругал себя дураком, приходя в ужас от мысли, что он скажет жене, что будет завтра и снова думал послед-

ним рублем вернуть потерянные пятьдесят.

Черт в одно мгновение очутился подле него, помог ему продвинуться к столу и в то время, когда банкOMET произнес: «Поставьте немного!» шепнул ему:

— Ставьте на второе! Второе выиграло.

— Ставьте оба рубля опять на второе, — внушительно сказал черт и Виталин, как за гипнотизированный, послушал его совета и снял четыре рубля.

Надежда оживила его.

— А теперь куда? — спросил у своего соседа уже сам.

— Все четыре на первое, — ответил черт.

— Наша! — радостно воскликнул Виталин, когда на первом оказалось два козыря, и снял восемь рублей, а потом восемь обратились в шестнадцать.

— Перейдемте к золотому, — шепнул ему черт и в его голосе было что-то такое, чему не мог противиться Виталин.

У золотого стола он начал играть с десяти рублей и в четверть часа у него образовалось уже двести сорок.

— Место! — закричал в это время карточ-

ник.

— Займите, — шепнул черт.

— Но я не умею...

— Я сяду подле...

И Виталин занял место за столом, а черт сел подле него.

Двести сорок рублей из рубля! Но Виталин уже не считал их суммою. Необъяснимая уверенность овладела им и он веселым приветливым взглядом смотрел на всех и беспричинно смеялся.

— Вы мне так помогли, а я не спросил даже вашего имени? — сказал он вдруг, обратившись к черту.

Тот снисходительно улыбнулся и не без смущения ответил неясным бормотаньем, внятно прибавив:

— Маклер...

— А я художник Виталин, Федор Павлович!

— Очень приятно! — сказал черт и прибавил: — ваша очередь держать банк!

Виталин робко взял в руки карты.

— Сколько в банке? — спросили сидящие за столом. Виталин не понял, но черт выдвинул на середину стола его деньги и сказал:

— Восемнадцать рублей!

И произошло событие, о котором потом целую неделю говорили в клубе, как о чуде. Виталин бил все карты.

Из восемнадцати образовалось сорок один рубль, потом восемьдесят два, потом сто шестьдесят четыре, а там стали ставить деньги на все табло, на «шваль», в «круг», на «крылья»— и Виталин бил, бил и бил и только успевал загребать деньги и сдавать карты.

Перед ним была груда: золотые монеты, тяжелые серебряные рубли, бумажки... Лицо его покраснелось, глаза горели и в возбуждении, как пьяный, он говорил без умолку.

Стол окружили сплошной стеною. Пытающие счастье подходили, оставляли все свои деньги и уходили с проклятиями.

Происходило небывалое: то он всех убивал одной козырной двойкой, то — когда у партнеров открывались по два и по три козыря и все уже ликовали — он показывал двух тузов и опять забирал все ставки.

— Федя, брось! — раздался оклик.

Виталин поднял голову и увидел у стола Кострыгина.

— С восемнадцать рублей! — крикнул он хвастливо.

— Поди, с тысячу есть?

— Больше! — с яростью ответил один из играющих.

— Больше? И того лучше! — сказал весело Кострыгин, — идем ужинать!

— Еще одну только! — смеясь произнес Виталин и взял карты.

— А потом бросьте, — шепнул ему черт, — довольно.

Виталин кивнул и снова стал метать с таким же счастьем, но его успех уже охладил игроков и игра стала мелкая по своим ставкам.

Он дометал до конца и, собрав всю кучу денег в салфетку, встал из за стола.

Завистливый шепот раздался со всех сторон.

Кострыгин подхватил Виталина под руку и повлек в буфетную.

— Там сосчитаем! Идем! — говорил он и в его голосе слышались лесть и зависть.

Виталин громко смеялся и повторял:

— С рубля! С последнего рубля! Благодаря

вот им... Он оглянулся, но черт уже исчез, весело думая: «шабаш! Теперь не сорвется»...

— Вот сюда! Давай считать! — суетливо заговорил Кострыгин, усаживая приятеля к столу и стараясь взять от него салфетку, но Виталин удержал ее у себя и бережно развернул на столе.

— Ну, давай!

Они стали считать деньги, сперва сортируя их.

Виталин дрожащими руками стал считать бумажки — сперва сотенные, потом пятидесятирублевые, двадцатипятирублевые и — наконец, трехрублевые, а Кострыгин звенел золотом, быстро и ловко отсчитывая по сто рублей и раскладывая по кучкам.

— Ну, у тебя сколько вышло? — спросил он, оканчивая счет и незаметно опуская в жилетный карман несколько монет.

— Две тысячи триста семьдесят один рубль!

— А у меня семьсот сорок, да еще серебро! Они сочли серебро.

— Девяносто два рубля! Итого — три тысячи двести три рубля! — быстро сосчитал Кост-

рыгин.

— Это с восемнадцать рублей! С рубля! — воскликнул Виталин, жадно собирая деньги и рассовывая их по карманам.

— Я на вас ужасно проигрался. Дайте с выигрыша хоть пятнадцать рублей! — услышал он просительный голос и поднял голову.

Вокруг стола стояло несколько человек с заискивающими улыбками на лицах.

— Дай им! — сказал Кострыгин, подмигивая рыжему толстому еврею.

— С удовольствием! Вам сколько?

— Пятнадцать рублей!

— И мне, пожалуйста!

— И мне!

К нему протянулось несколько рук. Он брал золотые монеты и раздавал торопливо и радостно.

— Попрошу тридцать рублей... до завтра, — хрипло произнес сухой, как щепка, отставной корнет в выцветшей синей куртке.

— Ну, и довольно! — властно произнес Кострыгин, — человек, шампанского и счет!..

Трое лакеев, почтительно согнувшись, стояли в ожидании и теперь быстро метнулись

исполнить приказание.

Кострыгин положил пухлую руку на локоть Виталина и дружеским тоном проговорил:

— Тебе, Федя, как говорится пофартунило. А почему? Потому что я тебя сюда привез! Ведь правда? Сам бы не поехал?

— Да я и не знал, — смеясь ответил Виталин.

— Совершенно верно! Так ты, Федя, мне помоги, дружок. Одолжи три сотни... на недельку!

— Сделай милость! — поспешно ответил Виталин и отсчитал ему триста рублей.

Три тысячи рублей! Он никогда не имел сразу более двухсот рублей и теперь эта сумма казалась ему миллионом.

— Вот друг! — с чувством произнес Кострыгин, небрежно опуская в карман деньги. — А теперь выпьем и домой!

— Домой! Домой! — оживленно повторил Виталин и его охватило нетерпение поскорее увидеть жену и поразить ее и рассказом, и деньгами.

— Да, я домой! Ты уж один! — повторил он,

наскоро выпивая стакан вина, и вскочил с места.

— Стой! А твой адрес? Завтра будешь?

Но Виталин уже торопливо шел к выходу.

Кострыгин добродушно махнул рукой, сел поудобнее и стал медленно пить вино.

— Кто это? — спросил его шепотом юркий брюнет, садясь за столик.

Кострыгин усмехнулся.

— Пижон! В первый раз! Совсем с ума сошел. Художник Виталин.

— Тс... — сказал подходя к столу толстый армянин, — все равно все деньги назад принесет.

— Ну, это как! — серьезно ответил брюнет, — везло ему непостижимо. Насквозь!

Подле столика образовалась группа и все спрашивали Кострыгина о его приятеле.

— Ты его притащи сюда! — заключил беседу высокий брюнет с физиономией бандита.

— Сам вернется! — смеясь ответил Кострыгин и встал от стола.

— Да, и везло! — задумчиво проговорил брюнет и, сосчитав свои деньги, снова направился в игорную залу.

VIII

Гони не жалея! — говорил Виталин извозчику и мчался по пустым улицам в глухую улицу Петербургской стороны, радостно думая, как обрадует свою Наташу.

Три, четыре часа тому назад он был полон отчаянья с последним рублем, а теперь — богач!

— Гони, братец! — повторял он извозчику, подъезжая к Ружейной улице.

Извозчик свернул с Каменноостровского проспекта; потянулись заборы, за которыми торчали опущенные снегом деревья, темные домики с закрытыми ставнями.

Виталин перегнулся в санях.

— Направо! У фонаря! Стой! — закричал он, выскочив из саней, и, сунув извозчику два целковых, вошел в калитку.

Сердце его колотилось от волнения; он шел по темным сеням, ощупывая свои карманы, полные денег.

— Отвори! Это я! — крикнул он, когда на его стук послышался опрос заспавшейся кухарки.

Дверь обитая рогожей с шуршанием открылась. Виталин вошел в тесную кухню, слабо освещенную лампадкой; кухарка скрылась за пестрой занавеской.

— Это ты? — послышался тревожный оклик жены.

— Я, Наташа! — громко ответил Виталин, сбрасывая галоши. Потом, вбежав в первую темную комнату, он быстро сбросил пальто и шапку и вошел в спальную.

Узкая маленькая комната была занята столом, стулом и двумя кроватями.

В маленькой кроватке у стены спал четырехлетний сын Виталиных, на другой — проснувшаяся Наталья Семеновна, приподнявшись с подушек, зажигала свечу.

— Где ты был так долго? Я жда... — начала она, но он тотчас перебил ее восклицанием:

— Мы спасены! Мы разбогатели! Понимаешь, богачи! — и нагнувшись порывисто обнял ее.

Она испуганно освободилась из его объятий:

— Что случилось? Скажи толком!

— Мы богаты! Смотри! — и он стал тороп-

ливо освободить свои карманы, выбрасывая деньги на одеяло.

Сотенные, по пятьдесят рублей, по двадцать пять, трехрублевые и целый дождь золотых монет.

— Вот смотри! Еще! Еще! Тысячи! — говорил задыхаясь Виталин, а жена его словно окаменела. Рубашка спустилась и обнажила плечо и грудь, распущенные волосы свисли на лицо, одна рука лежала на подушке, а другая на одеяле и теперь скрылась, засыпанная золотыми монетами.

Наконец, она очнулась, отбросила сбившиеся волосы, оправила рубашку, потрогала рукою деньги и тихо спросила:

— Откуда?

— Ах, это прямо сказка! — ответил он, взмахнув руками.

— Папа! — раздался голос из кровати.

— Проснулся, Сашурка! — Виталин взял несколько монет и бросил их в постель сына: — играй! У папы много их. — Он встал, поцеловал сына и снова сел на кровать.

— Откуда же? — повторила жена, пересыпая из руки в руку золотые монеты.

— Говорю, сказка! Выиграл!! — Он сбросил пиджак, жилетку и сапоги и стал рассказывать по порядку историю вечера от встречи с старым товарищем.

Ей казалось, что она слушает сказку. Она видела карточную игру, у них собирались приятели мужа и играли в стуколку. Проигрывали и выигрывали по восьми, по десяти рублей, но чтобы можно было выиграть столько, она и не думала и теперь с недоверием взглянула на мужа.

— Неужели это правда, Федя? — спросила она и голос ее дрожал от радости и страха.

Он засмеялся.

— Что же, я украл их что ли? Ах, глупая! Подожди, я еще и еще выиграю!

— Сколько же тут? — и голос ее понизился до шепота.

— Тысячи три! Было три, да я раздал. На нас хватит! — ответил он и, нервно рассмеявшись, снова обнял жену.

Она приникла к его плечу и замерла. Через минуту они очнулись.

— Спрячь деньги-то, — деловым тоном сказал он, — пока хоть под подушку!

Она торопливо стала собирать золото и бумажки и совать их под подушку.

— Еще рассыпятся, — подумала она вслух и, сдернув со стены полотенце, переложила деньги в него, завязала узлом и сунула узел за подушку у стенки.

Виталин разделся, лег подле жены, погасил свечу и сказал:

— Ну, спать теперь!

Но спать они не могли. Нервы были слишком напряжены, ум возбужден — и они, лежа друг подле друга, стали распределять эти деньги.

— Завтра уж ты сама сходи к приставу и заплати эти поганые 80 рублей, — сказал он.

— Понятно, прежде всего! Вот удивится-то! — и она засмеялась.

— За квартиру и в лавочку; Лизавете тоже...

— Всем, всем!..

— А потом, знаешь что я решил, Наташа? — он повернулся к ней: — бросим эту дыру, найдем хорошенькую квартирку, обставим ее и я тогда примусь за картину. Знаешь, за ту!.. Сон!.. Теперь это можно. Одну тысячу

истратим, на другую — проживем месяцев шесть, а там и — картина! А?

— Понятно, это можно! — Она тоже обернулась к нему лицом и заговорила с оживлением: — спальная, гостиная, столовая и мастерская. Четыре комнаты! А как обставим их! Вот Чирковы удивятся-то! И Евгения Львовна тоже. Вчера пришла, жалела, жалела нас! Даже противно! А потом сплетничать стала... Мы не скажем, Федя, что выиграла?

— Понятно, — быстро ответил он, — кому дело? Получил заказ, наследство...

— А обставим красиво, красиво... Я, Федя, еще себе платье сделаю.

— И платье, и шубу. Все! И Сашку оденем...

— Как куклу! О, милый!.. — Она горячо поцеловала его. Он счастливо засмеялся.

— То ли будет еще! Если бы ты знала, как мне везло...

Черт радовался, выскользнув из клуба.

«Ну, веревку заплел», ухмыляясь, подумал он, «займусь с ним денька три и — баста!»

И он отправился до зари сделать еще две, три мелких пакости.

В эту ночь от одного почтенного господина сбежала жена; сторело от поджога застрахованное имущество; застрелился юноша и был убит швейцар французского посольства.

В суতোлке жизни все эти явления считаются обычными и даже заносятся досужими людьми в графы статистических таблиц, а между тем эту статистику ворочают и так, и этак черти, которые толкаются между нами, как цыгане на лошадиной ярмарке.

Наталья Александровна не могла уже больше уснуть и лежала подле крепко спящего мужа, отдавшись неясным грезам о спокойной обеспеченной жизни.

Есть люди, для которых это счастье мелькает только в мечтах.

Один лишь медовый месяц ей казалось, что она живет полной жизнью и то потому, что любовь поглощала все ее чувства.

И это счастье продолжалось всего два, три месяца, пока не ушли все деньги, полученные Виталиным за проданную картину. А там началась нужда и потянулась серою полосой через всю жизнь, отравляя каждую радость, беспощадно отрезвляя от всякой мечты.

Раньше он писал картины для выставки и жил от продажи этих картин, отдавая их часто за бесценок, но теперь уже невыносима была жизнь бобыля; надо было отыскивать средства.

И он отыскивал. Работал на журналы и писал копии для магазинов и продавцов картин. Но как при этих получках урегулировать жизнь? И она проходила в постоянной тревоге о завтрашнем дне, бледная, тусклая, как скучный день ненастной осени.

И вдруг сразу такая сумма!

Она думала, как они устроятся, как в уютной, светлой квартире Федя снова сядет за работу над большой картиной и как плавно потечет их жизнь в тихом труде с отдыхом, развлеченьями и маленькими радостями.

Но среди этих мечтаний у нее — нет, нет — сжималось сердце злым предчувствием.

Утомленных жизнью людей внезапное счастье пугает так же, как баловней судьбы — несчастье.

Мгновеньями ей казалось, что все это сон; тогда она совала руку под подушку, ощупывала через холст полотенца круглые края мо-

нет, тихо смеялась и снова отдавалась грезам.

IX

Бледный рассвет прогнал тьму. Становилось светлее и светлее. Стенные часы в кухне продребезжали шесть раз. Завозилась Елизавета и, наконец, проснулся Саша.

Встрепанный, заспанный, он высунулся из кровати и, встретив взгляд матери, громко и быстро заговорил.

— Смотри, у меня сколько копеек! Я пойду с Елизаветой и куплю сладкого.

Мать улыбнулась.

— Вставай скорее! Мы поедем с тобой и всего купим!.. Только тихо. Не разбуди папы!

И не в силах больше лежать и таить своей радости, она поднялась с постели, помогла одеться Саше и вышла на кухню.

Елизавета, молодая баба с добродушным рябым лицом, растапливала плиту и, присев на корточки, усердно раздувала огонь.

— Ставь самовар, — сказала весело Наталья Александровна, — мы с Сашей напьемся и уедем сейчас!

— Смотри, три копейки! — сказал Саша и,

разжав кулак, показал Елизавете деньги.

Она взглянула и испуганно вытаращила глаза.

— Ишь ты! Тут пятнадцать рублей, а он — копейки! Отдай маме; еще потеряешь! — прибавила она тревожно.

Наталья Александровна засмеялась.

— Оставь! Это ему папа подарил. У нас, Елизавета, — дружески сказала она, присаживаясь на табуретку, — теперь много, много денег!

— Да ну? И мне отдадите?

— Все отдам! Хоть сейчас.

— А уж как мне нужно-то! — радостно воскликнула Елизавета и суетливо начала ставить самовар.

— Что же, али картины продал?

— Заказ получил, большой заказ, — ответила Наталья Александровна и заговорила, лаская Сашу, — теперь мы, Елизавета, на другую квартиру переедем. Мебель купим, посуду, все, все...

— Много, получил барин-то?

— Много! Больше тысячи...

Елизавета бросила горящую растопку в са-

мовар и от изумления выпрямилась с трубой в руке.

— Больше тысячи! — повторила она.

— Много больше...

А пламя и дым вырывались из трубы самовара.

— Смотри, смотри! — закричал Саша. Елизавета наставила трубу и повторила.

— Много больше...

— Много! Ну, а теперь беги за булками и молоком, а я Сашу помою.

Елизавета тотчас накинула платок, взяла золотую монету от барыни и стрелой вылетела из дверей.

Первым узнал о богатстве ее господ дворник, а за ним — в булочной, потом в молочной, по дороге Елизавета забежала в мелочную лавочку сообщить новость, но толстый лавочник с усмешкою сказал:

— Поди, рублев пятьдесят получил!

— Пятьдесят! Говорю, больше тысячи! Во какая, куча! — возмутилась Елизавета.

— И долг отдадут?

— Уж это беспрременно...

Наталья Александровна вымыла Сашу, на-

пила с ним чая, потом приказала Елизавете одеть Сашу и прошла в спальную.

Федор Иванович раскинувшись на постели громко храпел. Она осторожно достала узел с деньгами, вынула из него триста рублей и, снова завязав его, уложила на самое дно ящика в комод, под белье.

Потом заперла ящик, спрятала ключ и, выйдя в кухню, весело сказала Елизавете.

— Ну, мы едем! Барина не буди. Проснется, подай ему чай и скажи, что мы к двенадцати будем!

— Хорошо, хорошо! Идите с Богом! — добродушно ответила Елизавета.

Наталья Александровна вышла. Прежде, в своей коротенькой драповой кофточке, в шапке под мерлушку, в рваных башмаках и без галош в это холодное зимнее время она чувствовала себя бедной и несчастной. Особенно, когда надо было идти мимо мелочной или мясной лавок, где они были должны. Лавочники стояли у дверей и кланялись ей, едва кивая, а она смущенно торопилась скорее пройти мимо.

Теперь же, когда она знала, что у нее в кар-

мане триста рублей и дома еще много денег, живая радость и гордая независимость наполняли ее сердце и отражались и на ее манерах, и на походке настолько, что встречавшиеся ей простые люди почтительно давали ей дорогу.

Она не могла отказать себе в удовольствии зайти в лавки, чтобы расплатиться с мелкими долгами.

В мелочной приказчик снял картуз и почтительно ей поклонился. Она слегка наклонила голову и спросила:

— Сколько мы вам должны?

Приказчик бросил весы, на которых отвечивал в горшочке соленые грузди, и торопливо метнулся к конторке.

— Сию минуту, сударыня! — и вынуд засаленную книжку защелкал костяшками счет.

Собравшаяся в лавке беднота с любопытством и почтением смотрела на Наталью Семеновну¹, а она стояла, словно не замечая общего внимания.

Когда она расплатилась, лавочник почтительно проводил ее до двери и сам распахнул ее перед нею.

И то же произошло в мясной, в молочной, в булочной. Потом она села с Сашей на извозчика и проехала к приставу, где заплатила долг по исполнительному листу...

Х

Виталин встал. Едва он проснулся, как тотчас вспомнил о своем выигрыше, и радость волною хлынула в его душу. Жены нет. Значит, она уехала к приставу. Он быстро оделся и прошел в кухню. Елизавета засуетилась.

— Сейчас, барин, чаю подам! Пожалуйте к столу!

— Где Наташа?

— Уехала с Сашенькой! Сказала, вернется вскорости, — ответила Елизавета, хлопоча у самовара.

Виталин улыбнулся, прошел в комнату, сел к сосновому столу, покрытому грязной скатертью, и с улыбкою огляделся.

Вот все их убогое хозяйство!

В углу большой комнаты стоял дешевый шкаф, в котором хранилась вся их посуда, у стены стоял продавленный диван, а над ним

висело тусклое зеркало в овальной раме; в углу — мольберт с начатой копией с Репинского Николая Чудотворца, которую он делал с олеографии по заказу за тридцать рублей; на двух табуретах — краски и кисти; дальше — поломанный ломберный стол, просиженное кресло, три венских стула и еще две табуретки.

Только развешенные по стенам этюды несколько скрашивали эту убогую обстановку.

Так жить! Все надежды были на эту копию за тридцать рублей. И Виталину на миг стало жутко, а потом радость снова охватила его горячей волною.

Конец этому кошмару! Теперь и они заживут, как люди...

Елизавета подала чай, и он, прихлебывая из стакана, мысленно переживал свою удачу и воспроизводил детали игры. Ему вспомнился красный с рыжими усами господин, который небрежно кинул на стол триста рублей, а потом, проиграв их, даже чертыхнулся; мелькнуло в памяти побледневшее лицо с искривленной улыбкой какого-то игрока, кото-

рый сказал ему: «последний из сотни», бросил рубль, проиграл его и тяжело встал из за стола; место его тотчас занял другой, потом третий.

Да, это ощущения!.. А все — этот маклер.

Виталин напряг память, чтобы вспомнить его лицо и не мог. Он вспоминал белые, мелкие, как у щуки, зубы или глаза, или профиль какой то звериный, острый, — но все лицо, вся фигура не давались памяти.

Елизавета подала ему второй стакан.

Когда он его допивал, в кухне послышались голоса, и в комнату вбежал Саша, а за ним Наталья Семеновна, оба веселые, радостные.

— Все сделала! — садясь против мужа в кофточке и шапке, заговорила Наталья Семеновна: — в мелочной отдала, в мясной, приставу. Теперь только за квартиру да Лизавете!

А Саша оперся на колена отца и, теребя его, говорил:

— На извозчике ездили! А мама мне шубу купит! Слышишь!..

Виталин смотрел на дорогие ему лица, теперь оживленные радостью, и все существо

его наполнялось безмятежным счастьем.

Как-то не верилось даже.

Обыкновенно он просыпался с мыслью о деньгах, раздраженный, усталый и тотчас или торопился доставать их или садился за мольберт исполнять обычную, ненавистную работу. В такую пору его раздражали и звонкий смех Саши, и всякое движение жены.

А теперь? И при мысли о долгом и прочном спокойствии он радостно засмеялся.

— Знаешь что, Федя? — сказала весело Наталья Семеновна, — мы возьмем Сашу и поедем за покупками, а? А потом куда-нибудь пообедать? Хорошо?

Он кивнул ей и встал, подняв на руки Сашу.

— Кутить, значит? Идет! И они поехали.

Тратить деньги, не боясь передержать лишний целковый! Покупать нужные и ненужные вещи! Ходить из магазина в магазин, выбирать, торговаться, шутить и встречать всюду заискивающую внимательность приказчиков — это все новые своеобразные наслаждения, не испытанные ими доселе, — и они оба радовались, как дети.

В своих покупках они не забыли даже Лизаветы; пообедали в ресторане и вернулись домой счастливые и радостные.

У всех были обновки. Саша был наряжен, как кукла; сам Виталин оделся во все новое до сорочки.

Ярко горела лампа, весело трещали дрова в печке, приветливо шумел самовар, и Наталья Семеновна, пересматривая с Лизаветой покупки, при ее возгласах удивления, радостно взглядывала на мужа, и он чувствовал ее горячую любовь и благодарность.

Поздно вечером он поднялся.

Она вопросительно взглянула на него.

— Поеду опять! — сказал он, — дай денег!

— Ты сколько возьмешь? — спросила она с неясной тревогой.

— Пятьсот рублей! — ответил он и убежденно прибавил: — сегодня еще больше привезу.

Лицо ее осветилось, глаза вспыхнули.

— Сейчас! — и она пошла к комоду.

Федор Павлович был удивлен и обрадован. В клубе, который он посещал всего второй раз, казалось все его узнали. Стоящие у вешалки наперерыв бросились помочь ему снять пальто, сидящий за кассою почтительно ему поклонился, и едва он вошел в зал, как несколько человек пошли ему навстречу, радостно улыбаясь и протягивая ему руки, словно долгожданному приятелю.

Какой-то армянин с бегающими глазками ухватил его руку и, дружески потрясая ее, воскликнул:

— Вот рад! Вот рад!

Огромный мужчина фамильярно взял его под руку и озабоченно спросил:

— Ну, как доехали? Благополучно? То-то! — И прибавил: — я, знаете, боялся, что вас куда-нибудь утащут. Хотел даже проведать вас...

— А! Федя! — раздался радостный крик, и Кострыгин выхватил его из рук неизвестного благожелателя и повлек по залам, громко говоря: — ну, посмотрю, как ты их сегодня! Как ты их! Помни, я в гривеннике!..

— Это что значит? Кострыгин рассмеялся.

— Ах ты, простота! Это значит, что я участвую с тобой в доле. Выиграл ты или проиграл, я беру или плачу гривенник с каждого твоего рубля. Десять процентов. Понял?

Виталин кивнул и они подошли к дверям игровой залы, окруженные, как свитой мелкими игроками.

Игра была уже в полном разгаре. Так же туманом стоял дым, сверкали огни, мелькали лица, в смешанном гуле слышался звон металла, но на Виталина все это уже не произвело вчерашнего впечатления.

Карточник торопливо подошел к нему и, поклонившись, сказал:

— Я уже для вас приготовил столик! Пожалуйста! Виталин, улыбаясь, пошел за ним в сопровождении Кострыгина и в то же время искал глазами вчерашнего советника.

У стола уже стояли остальные три партнера и карточник поспешно срывал с карт обертки.

— Пожалуйста! — он раскинул веером карты и остановился в отдалении.

Виталин взял карту, сел за стол и радостно

закивал головою: вчерашний маклер, улыбаясь и кивая ему, пробирался через толпу, окружившую стол.

— Садитесь здесь! — сказал Виталин, указывая ему на стул подле себя.

— А вы опять? — вкрадчиво улыбаясь, спросил маклер.

— Вчера очень повезло...

— Новичкам всегда везет, — заметил один из партнеров.

— Как-то сегодня, хе-хе-хе! Снимите! — сказал другой и, взяв карты, кинул на середину стола деньги и сказал:

— В банке пятнадцать рублей. Игра началась.

И опять то же безумное счастье сопровождало игру Виталина. Едва дошла до него очередь, банк рос; он бил все карты, проигравшиеся игроки друг за другом отходили от стола, бормоча проклятия; их сменяли новые, ставки то уменьшались, то вдруг увеличивались, а Виталин все выигрывал и выигрывал.

Лицо его сияло торжеством победы, он звонко смеялся и вокруг его уже образовалась толпа обычных спутников «счастливец».

Жадными глазами они смотрели на грудку денег и льстивым смехом встречали каждую фразу, каждый жест Виталина.

Растолкав всех, к стулу Виталина протиснулся Кострыгин и с авторитетностью опытного игрока сказал ему:

— Брось! Довольно!

— Нет, я еще...

— А я говорю — брось! Я в гривеннике и имею свой голос! Брось, брось! — повторил он и вырвал из его рук карты.

Виталин взглянул на своего соседа-маклера. Тот пожал плечами.

— Можно и бросить! Что же...

Виталин встал, опять сгреб все деньги в салфетку и пошел в буфетный зал, в сопровождении Кострыгина и образовавшейся свиты.

— Это оттого, что я десять копеек примазал, — говорил Кострыгин, смеясь грубым, довольным смехом.

— Ну, и зачем вы это говорите! — воскликнул шедший рядом еврей, — им везет, как никому, а вы всегда проигрываете!

— Понятно, ему везет! Он молодец! — гор-

таннным голосом заявил армянин и фамильярно похлопал Виталина по плечу.

Виталин смеялся бессмысленным счастливым смехом.

Кострыгин очистил стол, и они опять стали считать деньги, а стоящие вокруг, как голодные на мясо, смотрели на монеты и бумажки и вслух старались угадать сумму выигрыша.

— Рублей тысячи две!

— Больше! Смотри, одних сотенных двенадцать!

— Золота на две будет!

— Три тысячи четыреста сорок, — сказал Кострыгин: — моих триста сорок четыре! — и он отсчитал четыреста с мелочью и опустил в карман.

Виталин, смеясь, стал собирать деньги и рассовывать их по карманам.

— Ужинать и домой! — сказал он.

— Эй, человек! — развязно закричал Кострыгин, а к Виталину тотчас наклонились головы и слышались голоса.

— Я все время желал вам счастья! Дайте с выигрыша!

— На вашем банке шестьсот рублей проиграл. Дайте хоть двадцать рублей!

— Одолжите пятерочку...

Виталин охотно давал направо и налево.

— Попрошу тридцать рублей... до завтра, — хрипло произнес сухой, как щепка, отставной корнет в выцветшей синей куртке.

Черт вернулся на короткий срок в ад и рассказал о своем деле патрону. Тот сморщил харю.

— Ну, что тут такого? Мало ли игроков, пьяниц, развратников?..

— Тсс!.. — воскликнул черт. — Это особенный! Он талант! Он честный! Он трудолюбивый! Он семьянин! И все к... нам! Ха-ха-ха...

— Ну, он опомнится и хорошо посмеется над тобой — и все! За это аттестата не дадут...

— Дадут! Я знаю... Слушай! — вдруг перебил он себя и поднял кверху морду...

В это время Виталин, как и вчера, сидел перед женой на кровати и между ними на одеяле лежала груда денег.

— Вот опять почти три тысячи! — дрожа-

щим от волнения голосом говорил он. — Теперь мы совсем богаты!

— Господи, даже не верится! — растерянно повторяла Наталья Семеновна, ворошила деньги и радостно, благодарно смотрела на мужа.

— Именно, Господи! — подхватил он: — я прямо верю, в Его помощь! Как подумаешь, голодали и... вдруг!..

— Мы молебен отслужим!..

Чертенок схватился за бока и покатился со смеху. Старый черт ухмыльнулся и пробормотал: — Глупые люди...

— Завтра непременно найдем квартиру и переедем, — сказал Виталин, укладываясь в постель.

Наталья Семеновна уложила под подушку деньги, повернулась к мужу и страстно обняла его.

— Какие мы будем счастливые! — прошептала она.

— Завтра опять поеду. Теперь уже с тысячей! — сказал Виталин, думая о непременном

выигрыше, и весело засмеялся. — Люди по сто тысяч выигрывали, Наташа; да!..

XII

Виталины наняли квартиру в четыре комнаты с ванной, изящно меблировали ее и пригласили своих знакомых справить новоселье. В новом хорошо сшитом платье, с брошью, серьгами, кольцами, Наталья Семеновна была неузнаваема. Лицо ее похорошело и помолодело, в движениях явилась плавность и голос звучал самоуверенно твердо.

Виталин остался тем же добродушным товарищем. Перемена положения меньше отражается на мужчинах. Но в его глазах светился теперь какой-то самодовольный огонек.

Евгения Львовна Прошкина, пожилая маленькая женщина с острым носом, злыми глазками и злым языком, приготовилась сказать что-нибудь язвительное; но когда изящная горничная помогла ей снять рыжую тальму и распутать синий вязаный платок, когда она вошла в уютную гостиную и увидела самоуверенно гордую Наталью Семеновну, то произнесла только:

— Ах, душечка!.. — и пылко поцеловала хозяйку.

— Покажите же мне ваше гнездышко, — сказала она, немного оправившись, и Наталья Семеновна повела ее по комнатам.

Огромная угловая комната с четырьмя окнами служила мастерской Виталину.

Он драпировал ее портьерами и коврами, в углу стоял большой манекен, на стене висело рыцарское вооружение, широкая тахта занимала чуть не всю стену, на столиках лежали палитра и краски, в дорогой вазе — пучки кистей...

— Ах! Вот тут можно работать! — воскликнула Прошкина.

— Федя задумал громадное полотно, — сказала Наталья Семеновна и повела гостью в столовую, в спальную с дорогим зеркальным шкафом, потом показала ванную и ввела в светлую кухню...

Прошкина изнемогала от возгласов и, вернувшись с хозяйкой в гостиную, вкрадчивым шепотом спросила:

— Откуда же это? Федор Павлович разбогател?

— Получил наследство, — ответила Наталья Семеновна.

— И много?..

Черные глазки ее впились в лицо Натальи Семеновны, но в это время раздался звонок, и сам Виталин вернулся с своим другом Хлоповым, за которым нарочно ездил.

— О, черт возьми! — послышался его густой бас: — да ты разбогател!

— Как Ротшильд! — смеясь, ответил Виталин, и они вошли в гостиную.

Следом за Хлоповым пришли Чирковы, муж с женою, Прутиков, Хвоин и Веревкины, — все товарищи Виталина, бедные художники, граверы и фотографы.

И в этой необычной для них обстановке в своих грязных сорочках, в стареньких пиджаках, в бедных платьях они казались словно не на месте и слегка стеснялись.

Один добродушный Хлопов гудел без умолку, грохотал раскатистым смехом и чувствовал себя так же свободно, как в бедной комнате, на Ружейной улице.

— А Лизавету прогнали?

— Что вы! — возмутилась Наталья Семеновна.

новна.

— То-то! Значит еще не зазнались вконец!
Ха-ха-ха!..

— Что же, картину писать будешь? — спросил Веревкин Виталина.

— Да, задумал. Теперь засяду, — улыбаясь ответил Виталин.

— В такой мастерской можно, — со вздохом сказал Чирков...

Наталья Семеновна пригласила всех в столовую.

Ярко светила лампа; белоснежная ска-терть была уставлена хрусталем и мельхио-ром, весело шумел изящный светлый само-вар, — и по концам стола сидели радостные Виталины, оба чувствуя полное удовлетво-рение после пережитых мучительных лише-ний.

Бедные гости вслух выражали свое удивле-ние и льстили хозяевам.

Это был вечер их торжества...

— Ах, как я была счастлива сегодня, — ска-зала Наталья Семеновна, обнимая мужа, ко-гда они остались одни.

Он крепко поцеловал ее и весело ответил:

— Да! Погоди, что еще будет дальше...

— Мне даже страшно...

— Сама-то уж зазнаваться стала, — говорила Чиркова, идя с мужем на Петербургскую сторону, — даже противно. Разбогатея я...

— Неоткуда нам, — угрюмо сказал Чирков.

— Не иди так скоро, — уже раздражительно проговорила Чиркова, и дальше всю дорогу они шли молча.

Это были такие же бедняки, как Виталин до своего выигрыша.

Чирков бегал по редакциям журналов, продавал рисунки, виньетки и заставки, раскрашивал фотографии на деревянных дощечках и жил впроголодь, в течение жизни не имея ни разу суммы крупнее двадцати пяти рублей.

Утомленная жена его была раздражительна и криклива, двое детей — бледны и вялы.

Они жили в той же Ружейной улице и, когда пришли в свое тесное, грязное, неудобное жилище, горькое чувство охватило Марью Павловну.

Она, не раздеваясь, села на продавленный диван и заплакала.

Чирков смущенно разделся и угрюмо стал ходить по крошечной комнате, освещенной жестяной лампою...

Веревкин только что продал серию рисунков в альбом японской войны и, заработав кругленькую сумму, был менее других поражен удачею Виталина.

— Повезло парню, — добродушно сказал он, усаживаясь в сани и обнимая жену, — не бросил бы теперь работы!

— Хлопов тоже боится этого, — сказала Веревкина.

— И очень просто!..

Прошкина — раньше граверша, а теперь кассирша у товарища-фотографа — пошла в компании Хлопова, Хвоина и Прутикова и говорила без умолку.

— Вот людям счастье! Жили совсем, совсем нищими, хуже Чирковых и вдруг... я и не знала, что они могут получить наследство.

— А если бы знали...

— Давала бы займы! — засмеялся Хлопов.

— Я и так им никогда не отказывала, — ответила Прошкина.

— Надолго ли богатства его, — проговорил

Прутиков, — вот если бы мне...

— Ты заработаешь! — и Хвоин с Хлоповым засмеялись. Они знали, что Прутиков уж пять лет пишет картину, за которую с каждым годом набавляет тысячу рублей.

Они проводили Прошкину и веселой беспечной компанией пошли на Васильевский остров, где ютились все, недалеко от Академии.

XIII

Федор Павлович продолжал играть с той же неизменной удачей, и каждый раз подле него сидел его неперемный ассистент — маклер. Жизнь Виталиных изменилась. Игра до позднего часа ночи заставляла Федора Павловича и вставать поздно, уже тогда, когда и жена, и Саша давно позавтракали.

Он лениво подымался с постели и шел в халате в столовую, где неохотно ел и рассказывал жене о вчерашней игре и своих впечатлениях.

Потом он шел в мастерскую, мастерскую только по названию. На мольберте стоял нетронутый холст, в вазе торчали пучки чи-

стых кистей, на столиках лежали палитра и краски, — но все это не манило Виталина и, чувствуя в душе пустоту, он звал жену, брал с собою мальчугана и ехал с ними тратить деньги по магазинам или кататься.

На что он только не тратил денег! Ненужные безделки, дорогие игрушки, граммофон, лыжи, велосипед. Один раз, идя по Караванной, Виталин соблазнился и купил обезьяну, которую пришлось потом отослать в Зоологический сад.

Они возвращались только к обеду, а после обеда он спал и, наконец, уезжал в клуб.

Там, уже поднимаясь по лестнице, он оживлялся.

Его почтительно встречали лакеи, с ним радостно здоровались знакомые и незнакомые приятели, а Кострыгин — тот, который его учил, как жить, — не отходил от него и с дружеской фамильярностью поощрял каждую его прихоть.

В клубе Виталин принимал небрежный важный вид, резкий тон с прислугой и в тайнике души наслаждался общим вниманием и лестью.

Наталья Семеновна изменилась тоже.

Давно ли в тесной, холодной квартире они играли с Сашей в то время, как муж наспех, нервно кончал картину, чтобы, едва она просохнет — нести ее на продажу. Давно ли она двадцать пять рублей считала большими деньгами и радовалась, когда купила галоши.

А теперь то время бедности казалось ей уже каким-то гадким сном и, беседуя с Чирковой, она говорила:

— Мы не могли бы жить без ванны!

Чиркова удивленно взглядывала на нее и чуть заметно улыбалась.

Да, деньги меняют людей!

— Словно она поглупела, — говорила потом Чиркова мужу.

— Можно и с ума сойти, если с холода да с голода вдруг станешь богатым! — грубо отвечал муж.

Однажды, истомленный безденежьем, он пришел к Виталину, чтобы занять у него несколько рублей.

— Да, сделай милость, — радушно сказал Виталин, — вот пока двадцать пять рублей!

Чирков благодарно кивнул ему.

— Не стоит! Глупости! — ответил Виталин и, немного помолчав, он прибавил: — хочешь, я научу тебя, как разбогатеть?

Чирков вопросительно взглянул на него.

— Как?

— Попробуй счастья в картах, — тихо сказал Виталин.

У Чиркова словно открылись глаза.

— Так у тебя... — начал он и не кончил.

Виталин кивнул утвердительно и в радостном возбуждении встал с дивана.

— Да, если хочешь знать всю правду, как товарищ... выиграл! С двенадцати рублей. Какой! С одного последнего рубля, а теперь у меня тысяч пятнадцать, да все это! — он махнул вокруг себя рукою.

У Чиркова разгорелись глаза.

— Как же играют там? Виталин засмеялся.

— Этому выучишься в десять минут! Да, вот что! Я сейчас еду, — он озабоченно поглядел на часы, — поедем вместе! Попробуй!..

Чирков радостно вскочил.

— Что же, я готов!

— Ну, так и едем!

Виталин оделся, взял деньги, и они поеха-

XIV

В этот вечер черта уже не было. Он сказал своему патрону: — Кажется, довольно! Не сорвется, на время отдохну. Не хочется трепаться больше.

— Твое дело, — отвечал патрон, — только гусь-то твой не больно важный!

— Ну, вы еще не знаете конца! — с бахвальством сказал черт и, повернувшись, пошел в свою камору.

Виталин не встретил своего приятеля, маклера, и усадил подле себя Чиркова.

— Ставь понемногу и наиграешь, — сказал он ему.

— Я в гривеннике! — по обычаю заявил вдруг появившийся Кострыгин и сел с другой стороны подле Виталина.

В этот вечер Виталин в первый раз испытал неудачу: у него срывали все банки по второму, по третьему удару.

Кострыгин нахмурился.

— Дай ответ! — сказал он.

— Попробуем! — деланно улыбаясь, ответил Виталин и взял карты.

— Ответ! — весело закричал его партнер, сорвавший все его банки, и поставил сто рублей в круг.

— Теперь, батенька, все отдадите! — сказал он, смеясь, и снова закричал, вертясь, как юла:

— Ответ! Раздача!

Виталин с отвращением взглянул на его черномазое лицо и вдруг почувствовал, что сегодня должен проиграть.

Но тут же приободрился и начал сдавать карты. Вокруг стола сразу увеличилась толпа. Со всех сторон потянулись руки, и на стол стали сыпаться деньги. Виталин испугался.

— Игра сделана! — закричал он и торопливо сдал последние карты. Затем он раскрыл их и почувствовал, как сразу его ударило в пот.

Ни одного козыря, а у всех партнеров по одному и по два!

— Комплект! — закричал кто-то весело.

— Что? Я говорил! — засмеялся партнер слева. Виталин молча достал деньги.

— Считай! — сказал он Кострыгину.

— Рублей под четыреста, — услужливо произнес тот же партнер.

— С тебя сорок, давай пятьдесят! — и, получив от Кострыгина деньги, Виталин стал рассчитывать.

— Восемнадцать рублей! Чьи восемнадцать?

— Мои! — произнес Чирков и, протянув руку, придвинул к себе тридцать шесть рублей.

Виталин боком поглядел на него и увидел перед ним бумажки, серебро и золото.

— Что, наживаешь?

— Понемногу, — ответил Чирков, не решаясь выразить своей радости при виде проигрыша приятеля.

Виталин снова взял карты. Снова посыпались на стол ставки и снова он проиграл всем.

Второй удар стоил ему семьсот рублей. Он расплатился и бросил карты.

— Довольно с меня! Кострыгин с укоризною сказал:

— Надо было на новую сдать!..

— Э, все равно! — и он с деланным равно-

душием встал из-за стола.

— Что же вы? Еще бы! — смеясь, сказал ему партнер.

— С меня довольно! Тысячу пятьсот оставил!

— Место! — закричал карточник.

— Ну, теперь ему крышка, — услышал Виталин за собою голос, — все спустить!

Он усмехнулся и пошел в буфетную.

«Завтра же отыграюсь», подумал он и увидел подле себя Чиркова.

— Ну, что же ты сделал? Чирков широко улыбнулся.

— Спасибо! Вот твои двадцать пять рублей...

— Много выиграл? — радуясь за приятеля, спросил Виталин, пряча в жилетный карман монеты.

— Рублей триста! — ответил Чирков и прибавил; — с ничего!

— А я в первый вечер сделал три тысячи, — сказал, оживляясь, Виталин, — ну, сядем здесь! Человек!

Он заказал ужин и стал рассказывать Чиркову о своих удачах. Этот рассказ оживил его

и ободрил.

— Сегодня в первый раз проигрываю, — сказал он. — Ну, да завтра же отыграюсь!..

— Понятно! — подтвердил Чирков. Ему было весело. Он дружеским взглядом оглядывал всех проходящих, ел за двоих и пил, не считая рюмок.

— А как я тебе благодарен! Я ведь пришел к тебе, — у меня дома ни зерна! За квартиру тянут, в лавках не дают. Дома керосина не было, ушел — их в темноте оставил! А теперь... — и он счастливо, громко смеялся.

— У меня так же было, и вдруг я домой с тремя тысячами! — ответил ему Виталин, вспоминая свой первый вечер.

Они вышли вместе и поехали по домам. Чирков представлял себе радость жены, свет, тепло, обеспеченные дни.

Виталин ехал домой в смутном настроении. Проигрывать ему случилось впервые и он, словно угадывая истину, приписал этот проигрыш отсутствию маклера и подумал: «будь он — иная была бы метка!» Ряд предыдущих успехов поддерживал в нем бодрость духа, и он всю дорогу повторял себе: «завтра отыграюсь».

— Проигрался сегодня! — равнодушным тоном сказал он жене, укладываясь в постель.

Для нее это было незнакомое слово. Она сразу встрепелулась.

— Много?

— Тысячи полторы, — тем же тоном ответил Виталин.

У нее сжалось злым предчувствием сердце. Она приподнялась на локте и сказала:

— Федя, брось играть. Довольно! А то все назад проиграешь!

— Завтра же отыграюсь! — ответил он.

— Федя, милый, брось! Ну, хоть на одну неделю! — и она обняла его и прижалась к нему.

— Глупости говоришь! — сказал он резко и, приняв ее руку, повернулся на бок.

Виталин стал проигрывать каждый вечер.

Черт перестал помогать ему, но и не мешал, оставив его самого разделяться со своим счастьем, и Виталину то везло, то не везло, но в результате он — проигрывал.

Для игры в азартные игры требуется больше умения, чем в винт или преферанс. Разыгрывать партию, зная карты и комбинации, это все равно, что решать нетрудную задачу, но рассчитывать счастье и несчастье и строить комбинации на удачах — требует почти творческого духа и всегда глубокого спокойствия. У Виталина этого не было.

Иногда карта шла и он выигрывал, но следом за этим счастье отворачивалось от него, а он не замечал этого и вставал из-за стола без рубля.

— Все! — говорил он обыкновенно, стараясь казаться равнодушным, и вокруг видел только радостные лица.

И в связи с ушедшей от него удачей к нему изменились отношения всех окружающих.

Прислуга уже не следила за каждым его

движением, игроки относились к нему, как к равному, и Кострыгин, здороваясь с ним, говорил: «Ну, как дела?» и отходил, не дождавшись ответа.

XVI

Виталин проснулся часа в два дня. В квартире было мертвенно тихо. Елизавета и горничная неслышно возились в кухне, Наталья Александровна ушла с Сашей гулять, что она делала каждый день.

Виталин, едва открыл глаза, как подумал о вчерашней игре. Опять четыреста рублей. А между тем был в выигрыше рублей восемьсот.

Как это вышло? Сначала он все выигрывал, потом офицер, сидевший напротив, уговорил его войти с ним в долю на ответе и пошел открывать жиры.

Черт его дернул!

А потом он сам открыл три жира, и — готово...

И Виталин стал перебирать в уме все случаи, когда он был в выигрыше и не удерживал его. И — по мере воспоминаний — у него

в груди скопьялась мучительная, болезненная горечь. «Сколько же я проиграл?» вдруг мелькнуло у него в голове и при этой мысли он вскочил, как от толчка, мигом оделся и очутился в своей мастерской.

Горничная услышала шум и показалась в дверях.

— Вам, барин, сегодня чаю или кофе? — спросила она по обычаю.

— Ах, что хотите! Сюда!

Виталин отпер ящик стола, вынул чековую книжку, бумажник и стал считать.

Десять дней несчастливой игры и у него не хватает семи тысяч. Короче: — осталось на книжке восемь тысяч да в бумажнике триста рублей. У жены три тысячи. И все.

Он захлопнул ящик стола и, медленно отойдя к дивану, опустился на него и задумчиво обвел глазами свою мастерскую.

На мольберте стоял натянутый холст, в бокале торчали кисти, на табурете валялись палитра и краски в девственно неприкосновенной чистоте.

И Виталину вдруг стало совестно. Он покраснел и, вскочив, беспокойно заходил по

комнате. Ведь не может же он, художник, опуститься до положения игрока, живущего удачей или неудачей?

— Баста! — произнес он вслух, — теперь можно и поработать.

Горничная внесла стакан кофе.

Он велел поставить поднос на табурет подле мольберта, сам сел перед ним и уставился на чистый холст.

Будет, будет картина! Ничего, что месяца три он не брал в руки кисти и безумствовал. Такие развлечения не особенно вредны. Даже необходимы. Зато, какие он перевидал рожи! Какую гамму ощущений он уследил на человеческих лицах!.. Это не пройдет бесследно.

И ему на холсте стали представляться картины. То — внутренность «Café de Paris» при освещении электрических фонарей, то игорный зал, то отдельные эпизоды игры, то отдельные лица. Он взял уголь и стал чертить им по холсту. Вот отставной корнет в потертых рейтузах с лицом Дон-Кихота, вот наглое лицо его приятеля, Кострыгина, еврей, армянин, а вот тот артельщик, который повесился, промотав доверенные ему деньги.

— Папа рисует! — раздался за его спиной голос Саши, и он быстро обернулся, радостный и счастливый.

В дверях мастерской стояла Наталья Александровна в каракулевой кофте, в такой же шапочке, свежая, румяная с мороза, и глядела на Виталина радостным взглядом.

Он понял сразу ее мысли и весело ответил:
— Бросил, хочу работать!

Она только засмеялась в ответ и быстро кивнула головою.

Виталин взял палитру и стал выпускать на нее краски.

— Хочешь завтракать, или подождешь обеда? — спросила Наталья Александровна.

— Подожду обеда, — ответил Виталин, смешивая краски, и взял кисть.

Наталья Александровна села подле него. Саша притащил в мастерскую складную крепость и уселся с нею на полу.

— Это все эскизы, — говорил Виталин, быстро водя по холсту кистью, — типы, которые я видел! Я изображу игру в момент азарта. Увидишь, какая будет картина! Ты думала, что уже всему шабаш? Наталья Александров-

на кивнула.

— Я боялась. Ты так увлекся игрою. Правда, мы от игры поправили все дела, но теперь я ее проклинала. Это гадость! Пока ты выигрывал, я не думала об этом. Но когда ты стал проигрывать... ты проигрывал чужие деньги и то — тяжело, а если это трудовые, если это последние... ужасно!..

— Ну, таких бы я не проиграл, — с уверенностью ответил Виталин.

— А в первый раз?..

Виталин подумал об этом первом разе и ему на миг стало жутко.

— Теперь Чирков выигрывает, — сказал он: — только он умнее меня. Ходит не каждый вечер.

— Она была и хвалилась. Говорила, тысячу выиграл.

— Мама, купи мне пушку! — закричал Саша, — такую, как мы видели.

— Я куплю! — сказал Виталин, быстро водя по холсту кистью.

— Это кто? — спросила Наталья Александровна, указывая на Кострыгина.

— Тот, кто свел меня в клуб. Приятель. Ка-

жется, маклер, или какой-то агент.

— Прямо разбойник.

— Вроде этого! — засмеялся Виталин. — Я хотел еще зарисовать маклера, который помог мне тогда отыгратъся, и все не могу схватить его рожи. Вот так и мерещится, а на холст не дается...

— Кушать подано, — доложила горничная.

Они прошли в столовую и Виталину казалось все вокруг обновленным, возрожденным.

— Нога моя в клубе не будет! — сказал он громко. — Вечером поедем к Чиркову.

— Вот тебе и твоя удача, — сказал патрон чертенку, — чувствуешь?

— Пхе! — ответил чертенок, — это он только так... У него ничего, ничего не останется и он у нас будет... И он, и все!.. Я знал, что делал. У меня время еще есть...

XVII

Чирковы, видимо, поправились. Сам, в лохматом рыжем домашнем пиджаке, выскок в кухню на голос Виталина и радостно закричал:

— А, наконец-то! Маня, Федор Павлович с женой!

— Сейчас! — откликнулась жена Чиркова, и в ее голосе слышалось довольство.

Виталины вошли в большую комнату. Здесь прежде стоял продавленный диван, убогий стол и плетеные соломой дачные стулья.

Теперь кисейные занавески украшали три окна, а в комнате стоял полный гарнитур будуарной мебели, и все вокруг имело уютный вид.

— Сейчас устроимся! — сказал Чирков и выбежал в кухню.

Марья Павловна в красивом шерстяном капоте (что она считала почти «шиком») вышла к гостям и, крепко поцеловавшись с Натальей Александровной и пожав руку Виталину, сказала:

— Я думала, вы и не покажетесь!

— Ну, вот! Старые приятели, чай! — добродушно ответил Виталин и спросил, невольно оглядываясь по сторонам:

— Что, Сережа работу получил?

— Да, понемногу работает, — ответила, чуть улыбаясь, Марья Павловна.

— Хорошо устроились, — сказала Наталья Александровна.

Чиркова оживилась.

— Правда? Мне эта мебель очень нравится. Теперь хоть кого принять не стыдно. Слава Богу, поправились!..

И она дружески-откровенно начала рассказывать о пережитых бедствиях и о теперешнем сравнительном благополучии.

— Ребятишек одели, сами оделись, мебель, посуда... долги по лавочкам! — и лицо ее при этом светилось радостью.

— Большой заказ получил? — спросил Виталин. Марья Павловна вдруг весело расхохоталась.

— Шутник вы! Будто не знаете? Ведь, это он все в карты выиграл!

— В карты?..

Виталин вдруг почувствовал в глубине души что-то вроде зависти и тотчас устыдился этого чувства.

— Что же, слава Богу!

Наталья Александровна сразу покраснела. Ей стало невыносимо совестно, что открылось то, что она скрывала, что, значит, знают — откуда и у них средства.

— Как же, в карты! — оживляясь, заговорила Марья Павловна, и лицо ее разгорелось. — В тот вечер, когда вы проиграли, — она улыбнулась, — он четыреста рублей принес. А потом почти каждый день — то сто, то двести, и вот опять триста принес.

— И не проигрывает? — не без зависти спросил Виталин.

— Бывает; но тогда он не идет дня три, четыре.

В это время вернулся сам Чирков, нагруженный покупками.

Прислуга уже накрыла на стол и внесла самовар. Чирков вошел и, услышав о чем идет речь, весело сказал:

— Это, Федя, повыгодней иллюстраций, да рисуночков! Годик бы так поработать и — ша-

баш!

— Идите сюда! — пригласила Чиркова Виталину, отходя к столу.

— А нам — сюда!

Чирков с Виталиным остались на диване.

— Так тебе везет? — заговорил Виталин.

Чирков кивнул.

— Я за стол не сажусь. Все мажусь. Сначала в этот ходил, в Немецкий, ну, да там — гадость. А теперь в Купеческий хожу. Вот там игра!

И он начал рассказывать.

— Восемь, десять столов и на всех дают «ответы». Нет такой суммы, на какую не ответили бы. Ставь хоть тысячи! Бывают комплекты по восьми, по десяти тысяч и тут же, рядом с сотенными, можешь ставить рубль. Вот там игра! Такой игры нигде нет. Недавно один прометал двадцать четыре тысячи; на другой день известный всем купец отдал пятнадцать тысяч. Люди подходили к столу с шестью рублями и уходили с сотнями.

Я проиграл все. Занял три рубля и вернулся домой с тремястами! Хочешь, я и тебя сведу туда?

— Пожалуй! — ответил Виталин.

У него всколыхнулось все внутри. В воображении ясно представились: ярко освещенный зал, столы, засыпанные деньгами, карты, лица игроков...

— Хочешь сыграем? — предложил Чирков.

— С удовольствием! — встрепенулся Виталин.

— Маня, хочешь? По полтиннику! Наталья Александровна! — и Чирков вскочил и начал устанавливать перед диваном ломберный стол.

— Ах, это так интересно! Он меня выучил! — сказала Чиркова. — Душечка, сыграем!

— Мне все равно, но я не знаю этой игры.

— Живо выучим! — засмеялся Чирков, бросая на стол карты. — Идите, берите карточку. Маня, вели подать свечи!

Он хлопотал и суетился. Марья Павловна смеялась, Виталин оживился, и Наталья Александровна подчинилась невольно общему настроению.

Они сели за стол и начали играть.

Чирков с женою горячились, но Марья

Павловна выказала жадность. Виталин играл широко и без расчета. Наталья Александровна была равнодушна. У нее тотчас отнимали и полтинник и карты, едва она начинала держать банк; но вдруг ей пришла талия. Она начала бить. Из полтинника банк вырос до четырнадцати рублей и на столе образовалась куча денег. Какое-то, неведомое доселе, острое чувство охватило Наталью Александровну. Она, вдруг, сразу поняла игру и вызывающе сказала Чиркову:

— Что же, покрывайте!

— Банк покрыт! — ответил Чирков.

— Со мной пополам, — сказала с жадностью Марья Павловна, которая сидела в первой руке.

— Идет!

Наталья Александровна сдала карты. Марья Павловна открыла козыря, а потом свои карты, и ее лицо побледнело.

— Жир!

— Взяла! — закричал Виталин, увидев у жены козыри.

Наталья Александровна придвинула к себе деньги и бросила карты.

Из полтинника — двадцать восемь рублей! Это значит, из пяти рублей было бы двести восемьдесят и всего убила она четыре карты...

Они играли до утра. Наталья Александровна выиграла восемьдесят рублей, Виталин — тридцать. Чирковы были смущены.

— Приезжайте теперь к нам играть! — позвала их Наталья Александровна.

— Непременно, отыгрываться! — засмеялась Марья Павловна.

— Ты не забудь про Купеческий, — сказал Виталин Чиркову.

— Обязательно!..

— Как это увлекает! — сказала Наталья Александровна мужу, едва они вышли на улицу.

— Еще бы!

— И — как интересно! А ты заметил, какая она жадная! У нее лицо даже пятнами пошло, когда я убила ее карты...

И Наталья Александровна без умолка говорила всю дорогу. А Виталин молчал.

Его неудержимо снова потянуло играть, испытать счастье. И когда он лег в постель,

словно кто-то стал нашептывать ему про бы-
лую удачу и перед ним воскресали картины,
когда он бил противников комплектами.

«Завтра схожу», подумал он. «А — карти-
на?..»

Но картина ему не удавалась.

Заказы на копии из магазина он исполнял
быстро и аккуратно. От того, что он сходит ве-
чером сыграть в карты, упущений быть не
может.

«Завтра пойду!» решил он окончательно и,
повернувшись, закрыл глаза, когда жена
вдруг сказала ему:

— Отчего ты не сходишь в клуб? Может, те-
бе опять повезет?

Он даже вздрогнул.

— Завтра схожу! — сказал он и обнял же-
ну. — Наиграем тысяч пятьдесят, сто!..

А черт смеялся и радостно потирал руки.

XVIII

Виталина встретили в клубе, как старого знакомого. Совершенно забытые им люди подходили, жали ему руку и рассказывали клубные новости. Карточник низко поклонился и сказал:

— Я уж вам с хорошими игроками место сделаю!

— Ах, Феденька! — раздался возглас Кострыгина. И он обнял Виталина, трижды поцеловал его, потом взял за талию, и гуляя с ним между колоннами, заговорил:

— Обрадовал! Буду опять с тобой в гривенике, может — поправлюсь. А то, совсем проигрался. Бьют и бьют. Ты сколько времени не ходил?

— Месяца три. Кострыгин засмеялся.

— Здесь все перепугались. Думали, уже совсем ходить не будешь. Ан — и ты тут!..

— Чего же боялись?

— А деньги-то, что выиграл? Их, ведь, отыграть надо.

— Ну, это как удастся, — хвастливо сказал Виталин.

— Местечко есть! — подбежав, объявил карточник. Виталин ощупал бумажник и бодро двинулся к столу. Партнеры были все те же. Он не знал ни имен, ни званий, но помнил их лица и теперь дружески поздоровался со всеми.

— Ну, будем пытаться счастье! — сказал толстый армянин и, легши животом на стол, сгреб карты и начал тасовать.

Толпа мазчиков окружила тесным кольцом игорный стол. Игра началась.

Когда до Виталина дошла очередь держать банк, он почувствовал небывалое волнение. Руки его тряслись, на лбу выступил холодный пот. Банк завязывался, но по третьему удару его срывали.

— Как часы! — восклицал его визави и громче других кричал после второго удара: — После играющего!

Виталин проигрывал и отыгрывался, когда партнер с правой руки оставил место и на его стул свалился полупьяный чиновник. Он высыпал на стол деньги и кричал:

— После играющего!

— Не скандаль, Петя, будет твоя очередь, —

уговаривал его другой подвыпивший чиновник — в тужурке.

— Я ничего! Я хочу сорвать банк!

— Да уже сорван! — обозлившись проигрышем, сказал толстый армянин.

Когда очередь дошла до чиновника, он поставил десять рублей и Виталин тотчас их взял. Чиновник поставил двадцать, и Виталин взял опять.

— Ответ! — заявил пьяный и бросил карты.

Ему приготовили талью, а тем временем к столу потянулись руки, и на стол со звоном посыпались деньги.

Виталин двинул на свое табло все серебро, рублей двадцать восемь, и с улыбкой взглянул на пьяного чиновника. Безусое лицо его было красно, словно налитое, глаза тупо глядели перед собою, на лоб падали волнистые волосы. Он держал волосатыми короткими пальцами карты и бормотал:

— Сколько денег? Ответ!

— Да ты замечи сперва! — испуганно поторопил его товарищ, потому что ставки все увеличивались.

— Все равно! Бью! — пробормотал пьяный и стал кидать карты. Они падали неаккуратно, и партнеры, то и дело, передвигали их друг другу.

— Комплект! — заявил пьяный, не глядя открывая свои карты, и, перегнувшись, стал собирать деньги.

— Ставьте, ставьте! — кричал он снова, кидая карты.

— Дай поставить! — говорил товарищ.

— Пусть ставят, все равно — бью! — отвечал пьяный и снова объявил: — Комплект!

Вокруг послышался ропот.

Виталин проиграл уже двадцать рублей и, с упрямством проигрывающего, двинул сорок рублей на свое табло.

— Комплект!

— Недаром говорят, что в карты надо пьяному играть, — сказал кто-то.

— Ставьте, ставьте!..

Виталин растерялся. Он не верил, что можно бить карты по шесть раз подряд, и продолжал ставить, увеличивая куши, а тот — бил и бил.

У Виталина на столе остался золотой. Он

полез в бумажник и вынул последние двадцать пять рублей.

Пьяный чиновник взял два куша, сгреб деньги и с громким смехом встал из-за стола.

Виталин с растерянной улыбкой встал следом за ним и крикнул: — Место!

— А когда-то вы нас так били! — сказал ему визави.

— Я говорил тебе — не мажь! — горячился Кострыгин. — Дождался бы своей очереди и метал. Сколько просадил?

— Четыреста!

— Фью! — свистнул Кострыгин, — какую игру еще можно было бы вести...

— Ну, что? — спросила Наталья Александровна, когда Виталин вошел в спальную.

— Опять проиграл! — И он стал рассказывать, как шла игра.

Наталья Александровна слушала его, приподнявшись на подушках, и глаза ее горели.

— Понятно, не всегда удача! — сказала она: — Если бы ты дождался своей очереди, может быть, и выиграл бы.

— Кострыгин тоже сказал, — ответил Виталин.

На другой день он не мог заниматься и, одевшись, пошел к Пухлову, который торговал картинами и постоянно давал Виталину заказы на копии.

— А! — радушно воскликнул Пухлов, маленький юркий господин, с хитрыми крошечными глазками. — Хотите «Медного Змия» писать?

Виталин покачал головою.

— Нет, Захар Кузьмич, из дома выходить неохота.

— Заленились. Я слышал, разбогатели? Виталин усмехнулся.

— Было! А теперь — едва-едва что осталось.

— Тэк-с... А все — карты, — сказал вдруг Пухлов и хитро прищурился.

Виталин удивился.

— Вы откуда знаете?

— Хе-хе-хе!.. Слухом земля полнится... Говорили-с.

— Да, и карты, — согласился Виталин. — Сначала везло, а потом...

Пухлов вздохнул и развел руками.

— Это — всегда так. У меня был один зна-

комый. Сорок тысяч выиграл, потом проиграл и их, и казенные деньги и застрелился.

— Тьфу! — отплюнулся Виталин и засмеялся. — У меня нет казенных денег.

— Чирков тоже играет?

— Тоже.

Пухлов потер руки и засмеялся.

— Ну, ну, скоро вы все у меня работать будете.

— Я и теперь пришел за делом, — сказал Виталин и стал ему предлагать купить свою будущую картину.

Он напишет игорный зал во время разгара игры. На первом плане стол, за которым идет раздача, а рядом, — за которым бьют.

— Батенька! — воскликнул Пухлов: — да это только Репину впору...

Виталин нахмурился.

— Я ведь ее начал только. Когда кончу, тогда говорите о ней. А теперь я лишь спрашиваю: вам писать, или для другого?

— А на выставке будет?

— Непременно!

— Тогда пишите, — согласился Пухлов. — Как набросаете планы, позовите меня. Я зада-

ток дам.

— Ну, вот это дело! — сказал Виталин и, простившись, пошел домой.

Ему казалось, что этим малозначащим разговором он застраховал себя от увлечения. Вечером приехали Чирковы.

— Ну, душечка, ставьте столик! — прямо из передней объявила Марья Павловна.

Наталья Александровна оживилась.

— Сейчас!

— А я, прости, брат, сказал и Хвоину, и Прутикову, и Хлопову, — здороваясь признался Чирков. — Затеем игру! Веревкин с женой и деньгами... Хвоин тоже получил.

Виталин засмеялся.

— Что же играть, так играть!.. А про клуб не забыл?

— Как же! — спохватился Чирков. — Приходи завтра и прямо — в кассу. Там ты уже записан. Пятьдесят копеек дашь и иди! Вот там, батенька, игра!..

— Сейчас чай подадут, а пока, если хотите, сядем! — предложила Наталья Александровна.

Виталин взглянул на жену и не узнал ее.

Лицо ее покраснелось, глаза горели, и она, видимо, волновалась.

— Играть, так играть! — согласился весело и Чирков. В это время раздался оглушительный звонок, и в передней послышался зычный голос Хлопова.

— А! Монте-Карло!.. Кто за банкомета?.. Зашли мои птенцы, Хвоин с Прутиковым, и говорят: игра у Виталина. Я не игрок, а посмотреть занятно.

— Соблазнишься!

— Ну, это врите!

— Тебе начинать, — сказал Виталин Чиркову. Чирков взял карты.

Потом пришли все остальные гости. Игра оживилась. Марья Павловна и Наталья Александровна горячились больше всех, а лица их то бледнели от проигрыша, то вспыхивали радостью при выигрыше.

— Вот это — игра! — восклицал Хлопов, выпивая четвертую бутылку пива. — Сколько в банке-то?

— Тридцать шесть рублей! — ответил Хвоин.

— И ты по банку?

— По банку!

— За всю картину? Ну, игрок! Хвоин покраснел и пробурчал:

— Это уж мое дело!

— Известно, твое, — добродушно ответил Хлопов. Они играли до самого утра...

— А в субботу к нам, — пригласила Наталья Александровна.

— Ваши гости! — ответили Хвоин и Прутиков.

XIX

Виталин пообедал и в шесть часов вечера подошел к стеклянному, закрытому с четырех сторон, подъезду на углу Фонтанки и Графского переулка. Швейцар распахнул перед ним дверь. Он поднялся в огромную переднюю, заставленную вешалками, и сразу почувствовал комфорт, солидность и богатство окружающей обстановки. С широкой лестницы спускались генерал и почтенной наружности старец. Мимо Виталина прошел доктор, которого генерал назвал профессором. Совершенно иное, чем в клубе, куда его свел Кострыгин...

Виталин подошел к конторке, за которой стоял молодой человек с торчащими ушами, назвал себя и, получив за пятьдесят копеек пропускной билетик, поднялся по широкой лестнице во второй этаж. До него, уже издали, доносился смутный гул голосов. Он вошел в огромный зал, в котором стояло с десяток громадных восьмисторонних столов. У каждого стола толпились игроки; иные переходили от стола к столу, другие растерянно ходили по залу.

Виталин остановился подле одного из столов и начал присматриваться к игре. Играли в то же экартэ.

Один из играющих метал ответный банк; прометал четыре сдачи и бросил; его сменил другой и, приготовив карты, тоже начал метать ответ.

Через толпу играющих к столу протиснулся высокий брюнет, прогнал одного из сидящих за столом, занял его место и тоже начал метать ответный банк.

Виталин сразу ничего не понял. Он увидел только, что здесь ведется едва ли не самая крупная игра, что здесь, так сказать, «игорная

биржа». За столом, у самого камина, Виталин увидел тысячную игру. На столе почти не было золота, и целыми пачками лежали сторублевые бумажки.

Рыжий еврей подошел и сказал:

— Двенадцать бумажек в круг! — И на него никто не обратил внимания, словно это обычная ставка.

— Вот здесь — игра, — услышал он за собой голос Чиркова и обернулся. Чирков наскоро поздоровался с ним и ловко кинул на стол десятирублевик.

— Ставь скорее, — сказал он, — здесь раздача! Виталин бросил двадцать пять рублей. Банкомет дал один куш, и Виталин выиграл. Выиграл и Чирков.

— Говорю, раздача! — повторил он оживленно. — Вчера, говорят, он двадцать восемь тысяч раздал.

Виталин играл до позднего вечера, брал и отдавал, ходил от стола к столу и впивал в себя насыщенный ажиотажем воздух.

Потом, за ужином, Чирков объяснил ему условия игры.

Те, сидящие за столом, по очереди дают от-

веты. Если захочет вмешаться посторонний, то он может согнать сидящего за местом, отмеченным кружком, и метать в свою очередь. Комплекты все большие и потому редко кто держит банк один. Чаще составляется компания из двух, трех, даже четырех человек.

Виталин ушел смущенный. Он выиграл пу-
стяки, но в первый раз он видел игру, где ты-
сячи оборачиваются, как десятки рублей, и
где можно в вечер наиграть и пять, и шесть, и
двадцать тысяч!..

Он вернулся домой и рассказал жене свои
впечатленья. Она сидела в постели и слушала
его, полуоткрыв рот, расширив глаза.

— Двадцать, тридцать тысяч! — повторяла
она тихо.

— Да, там игра! — вздохнул Виталин.

— Если бы я была мужчиной...

— Я и сам попробую счастья!..

Но счастье изменило ему. Черт делал свое дело и вел его к гибели, постоянно разжигая страсть. Обреченный на проигрыш, Виталин проигрывал деньги с фееричной быстротой. Сначала ему будто везло, потом вдруг словно открывался шлюз; раз, два, три — и он поднимался от стола без призрачного выигрыша и без своих денег.

Идя домой, он размышлял и для него становилось очевидным, что, прекрати он игру после второй метки, или откажись он от компании с Верстовским, а возьми Безанкулова — он был бы с выигрышем. Эти мысли мучили его жгучим раскаяньем и в то же время поддерживали надежду на следующий раз.

Он стал угрюм и сосредоточен, но однажды, в минуту малодушной откровенности, он рассказал жене эпизоды последних игр.

— Пятнадцатого числа я, Наташа, заложил в банк семь рублей и снял шестьсот! Уйти бы, и — все! Но черт дернул меня проехать в этот Купеческий; там я дал ответ и в четыре удара отдал все и своих триста! А на другой день на-

играл четыреста и тоже проиграл; потом пятьсот и — тоже! Каждый вечер я бывал в выигрыше, и все ничего! А теперь — бьют и бьют!

Помянув черта, он был более чем когда-либо близок к истине.

Наталья Александровна слушала его, затаив дыханье, и потом вдруг разразилась слезами и упреками. Лучше бы он не говорил ей этого! У него была тысяча, больше, а теперь он тащит из дома последние деньги! Если он такой дурак, что не может удержаться, он лучше бы бросил игру и занялся картиною. Пухлов приходил два раза. Вон, Чирков рассказывает, что каждый вечер он может уйти с выигрышем, а не уходит. Так надо бросить! Неужели сладка та, прежняя, ужасная жизнь?!..

Виталин слушал ее изумленный, растерянный, потом порывисто начал ее утешать.

— Наташа, перестань! Мне и самому тяжело. Поверь, тяжелее, нежели тебе. Для меня игра теперь мука. Я отыграюсь и брошу...

— Никогда ты не отыграешься!

— Отыграюсь! Вот увидишь! Теперь сде-

лаю сто рублей и уйду. Ей Богу!..

«Так и буду играть», давал он себе слово: — «сто рублей и — баста!»

Он играл теперь во всех столичных клубах, освоившись с размерами и приемами игры в каждом клубе, и везде имел знакомых компаньонов и партнеров. В Немецком клубе он был своим человеком, но его не тянуло туда. Обилие разных темных личностей, всякого сброда смущало его. А когда один раз он принужден был играть с господином, который на следующее утро принес ему сапоги, — он совершенно оставил этот клуб.

Больше других ему нравился Железнодорожный. Прекрасное помещенье, воспитанные люди, отличная кухня, спокойная и крупная игра. Но в этом клубе ему не везло фатально.

Чаще всего он бывал в Купеческом. Этот клуб казался ему столичной ярмаркой. И крупный чиновник, и выдающийся деятель, и мелкий маклер — все толкались здесь около игорных столов и в течение дня в этом огромном зале, кажется, проходил весь Петер-

бург. Особенно днем. Мимоходом заезжал адвокат; с репетиций до спектакля толкались актеры и певцы; к четырем часам приезжали маклеры; потом появлялись учителя в своих вицмундирах, видимо прямо из гимназий зашедшие поправить свои финансы; а к вечеру собирались уже заправские игроки с крупными суммами, с широким размахом в игре.

Участковые пристава играли, как банкиры, крупные купцы рисковали тысячами, обсчитывая в тоже время своих приказчиков.

Здесь знаменитый капитан В. наиграл четыреста тысяч и здесь же оставил их; здесь судившийся К. наиграл двести тысяч, а потом наделал подлогов и попался.

Каждый клуб имеет свои легенды, и Виталин знал их теперь все и, в случае неудач, припоминая их, поддерживал в себе надежду на выигрыш.

У него завелись чисто карточные знакомства.

Князь Тотамьянц, делающий какие-то дела в Баку и во время приезда в Петербург играющий и крупно, и мелко.

Увидев Виталина, он, сидя за столом, через

всю залу кричал ему:

— А, художник! Метнем талийку! Но — небольшую! Идите сюда!..

И они метали по очереди, с переменным счастьем.

Огромный, с рожей разбойника, Верстовский, иногда имеющий сотни, иногда бродящий между столами с несколькими рублями в горсти.

Виталин поражался его умению «делать» деньги. Случалось, что с шестью, восемью рублями Верстовский начинал игру, обращал их в двести, в триста, садился за стол и вставал, имея уже тысячу. На другой день у него, обыкновенно, не было денег...

Иногда в Виталине художник побеждал игрока и он, забыв о картах, наблюдал выражения лиц, позы, приемы. Но кто-нибудь будил его возгласом: — комплект! — и он снова обращался в игрока, с упорной идеей обыграть всех. Эта идея овладевала им подчас с безумною силой. Особенно дома, после проигрыша. Он лежал, подавленный, и вспоминал в течении игры удачные и неудачные обороты. Когда он подошел к столу и взял подряд две

ставки, ему надо было отойти к соседнему столу, где началась раздача. Сто рублей обратились бы через три удара в восемьсот! А когда метал, ему надо было бросить после первого удара! Стало бы тысяча четыреста...

На другой день то же, а там сесть бы за самый крупный стол и метнуть тысяч на пять, да — удара три!.. На другой день то же. В месяц можно было бы собрать тысяч сорок, пятьдесят!..

И затем он начинал распределять эти деньги и, совершенно обновленный этими мечтами, засыпал, твердо веря в победу следующего дня.

XXI

И, наконец, Виталин проиграл все. Когда он вернулся домой, Наталья Александровна спросила его:

— У тебя есть деньги?

— Нет.

— У меня тоже нет, — сказала она. — Нет даже на завтра!

Он даже пошатнулся.

— Как, ничего?

— Ничего! Ведь ты же взял у меня чековую книжку. Остались вещи.

И она опустила в постель и молча отвернулась к стене.

Виталин горько усмехнулся. Что же? У них есть вещи, он может работать, отыгаться... И впечатление ужаса у него прошло так же быстро, как наступило.

Утром он снес все свои золотые вещи и радостно удивился, когда получил за них триста рублей.

«Двести домой, сто — на игру», решил он и, веселый, вернулся к жене.

— Вот тебе деньги. Не беспокойся, прожи-

вем, — сказал он ободряюще и прибавил: — я схожу к Пухлову!

— Вечером Чирковы звали.

— Поедем к ним! — согласился Виталин.

Пухлов встретил его радостным возгласом.

— Что, совсем продулись? Хотите копию?

— Я пришел говорить о картине...

— Ха-ха-ха! — засмеялся Пухлов, — о картине! Да вы ее, душечка, в век не напишете. У вас теперь силы нет. Копию — можете. Хотите копию?

Виталин рассердился.

— Приходите на следующей неделе и увидите уже весь подмалевок.

Пухлов пожал плечами.

— Что же, прийти могу. Прийти нетрудно... Виталин вышел от него.

Было три часа. Он повернул направо и машинально пошел на Фонтанку.

Верстовский метал ответ.

— Хотите треть? — закричал он Виталину.

— А сколько?

— Рублей семьдесят, — ответил Верстовский. Виталин кивнул.

— Ну, ну, ну! — весело стал приговаривать

Верстовский, раздавая карты, и, открыв, сразу покраснел, как клюква, и злобно швырнул карты.

— Жир!

Ни одного козыря! Виталин отсчитал семьдесят рублей и бросил их Верстовскому. У него осталось всего двадцать шесть рублей.

Он перешел к другим столам, сделал пятьдесят рублей, потом проиграл тридцать, опять выиграл, проиграл снова и, наконец, поставил последние два рубля.

Их убили, и он пошел домой.

— Ну, что у Пухлова? — спросила Наталья Александровна.

— Говорит, что я не сделаю картины. А я вот — нарочно!

Он вдруг вспыхнул жаждой работы и, пройдя в мастерскую, взял картон, уголь и стал набрасывать план своей картины. Она вставала перед ним, ясная до мелочей, и уголь быстро ходил по картону...

В передней раздался звонок.

В мастерскую ввалился Хлопов.

— Ба! За непривычным делом! — воскликнул он, крепко встряхивая Виталину руку, и

потом, взглядевшись в набросок, сказал:

— Хорошо, брат, ей Богу — хорошо! Осиль только плотно таким сюжетом, и — что твои «Запорожцы!» Ей Богу! Рожи-то какие! Сразу видишь, кто проиграл, кто выиграл. Как назывешь?

— Раздача! — ответил Виталин. И глаза его загорелись, лицо оживилось. — Видишь, он проигрывает, — и Виталин указал на банкмета, — но проигрывает не ровно, а куш или два. Потому и партнеры иные проигрываются тоже. Целая гамма ощущений!

— Да! Осиль картину и, можно сказать, ходил по этим вертепам не даром!..

Виталин сильно кивнул.

— Если бы удалась картина! — вздохнул он.

— Работать надо, — твердо сказал Хлопов. — А все, брат, иные пути для добывания денег, — только мерзость!..

Виталин покраснел. В этот момент перед ним вдруг, как живая, обрисовалась рожа его первого карточного знакомца, маклера, и он быстро, несколькими штрихами, зарисовал его на углу картона.

— Фу, противная харя! — засмеялся Хлопов. — Неужели с природы?

Виталин почувствовал необыкновенное волнение. Нарисованная рожа, казалось, сделала ему гримасу и подмигнула.

XXII

У Чирковых играли. Марья Павловна созвала гостей, и за большим столом начался настоящий азарт. Наталья Александровна переродилась, и вся горела в игре. Ей шло неизменное счастье. Виталин глядел на нее с завистью и иногда произносил вслух:

— Вот мне бы так, да — в клубе!

Когда они возвращались домой, Наталья Александровна сказала:

— Возьми у меня пятьдесят рублей и иди завтра! Он словно воскрес. Лицо его просветлело. Он крепко обнял жену и засмеялся...

Но пятьдесят рублей были проиграны.

Деньги шли, наступал срок платить за квартиру и прислуге.

Виталин растерялся. Надо сто, сто пятьдесят рублей. Пухлов может дать вперед за копии много, если пятьдесят. В картину он не

верит. Остается сыграть и добыть эти деньги. Не может же так долго продолжаться проигрыш!..

— Заложи мои золотые вещи, — сказала Наталья Александровна, отдавая мужу тяжело наполненный сафьяновый мешок.

Виталин молча обнял жену и крепко поцеловал ее. Пятьсот рублей! Это при безденежье — крупные деньги. Виталин разделил их пополам.

— Только? — с удивлением спросила Наталья Александровна, получив двести пятьдесят рублей.

Он покраснел и отвернулся от нее.

— Я нарочно взял меньше. Чтобы легче было выкупить.

— Выкупить? — повторила Наталья Александровна. — На это, Федя, надежды нет...

— Ты не знаешь моих планов, — с раздражением ответил Виталин; но на душе его осела горечь.

Он взял набросанный им эскиз и начал его рассматривать. И вдруг рожа маклера ожила перед ним, подмигнула и, казалось, что-то прошептала.

— Что? — произнес в изумлении Виталин. Но рожа была уже неподвижна.

Виталин отбросил картон и лег на диван. В уме его воскресли вечера его первых выигрышей. Он вспомнил до мелочей все подробности и даже случай, когда он, открыв в козырях коронку, побил крупные козыри противников.

Тогда какой-то высокий бледный блондин схватился за волосы и встал из-за стола, словно вытащил себя за волосы. Виталин смеялся, а на другой день узнал, что этот господин застрелился, проиграв Виталину последние, чужие деньги.

За вечерним чаем он сказал жене, с притворным равнодушием:

— Я схожу к Хлопову?

Она вскинула на него глаза, и он сразу увидел, что она отлично понимает, что он утаил деньги от заклада и идет играть.

Он густо покраснел и встал.

В первый раз он шел играть потихоньку от жены на... ворованные деньги. Да, на ворованные, потому что и вещи ее, и он утаил истинную сумму выданных денег. Но тут же у

него мелькнула мысль, что, может быть, такие деньги счастливые, и он ободрился.

XXIII

Эта была его последняя игра. Казалось, счастье улыбнулось ему снова. Сначала он проигрывал, и у него осталось всего тридцать пять рублей.

Он выставил пятнадцать рублей и начал метать банк. Банк увеличился до трехсот рублей.

Пьяный купец, известный богач, проходя мимо стола, остановился и сказал:

— Банк после играющего!

Виталин сдал карты и убил. В банке стало шестьсот.

— Банк! — упрямо повторил купец, бросая две бумажки по пятисот рублей.

— Снимайтесь, бросьте! — сказал Виталину сидящий рядом с ним господин.

Виталин хотел было снять шестьсот рублей, но слова соседа раззадорили его. Он быстро сдал карты и замер в ожидании.

На руке открылась двойка козырей. Виталин вздохнул с облегчением и открыл свои

карты.

У него не оказалось ни одного козыря. Он откинулся к спинке стула и застыл с тупой улыбкой на лице.

— Небьющаяся! — промычал купец, сгребая деньги.

— Я вам говорил! — гудел сосед.

— Идите вы к черту! — грубо оборвал его Виталин и, шатаясь, вышел из-за стола.

— Место! — закричал карточник.

Виталин вышел на улицу и медленно побрел к дому. В голове его сверлила неотвязная мысль, что — вот — было шестьсот рублей, и нет их. А они давали и покой дома, и надежду на дальнейшую игру. Потом вдруг являлась мысль, что, окажись у него тройка, пятерка, что-нибудь старше этой поганой двойки, и у него было бы тысяча двести. Тогда бы он снял!..

Наталья Александровна не спала. Она сидела в постели и глядела на вошедшего Виталина с вопросом и укором.

Он опустился подле кровати на колена и глухо зарыдал...

На другой день вечером он сидел в своей мастерской, смотря на картон. Рожа маклера улыбалась и подмигивала ему. Он тупо смотрел на нее и, как пьяница без водки, томился невозможностью идти играть. В это время в комнату вошла Наталья Александровна. Она протянула мужу сто рублей и сказала:

— Иди и отыграйся! Пожалуйста, иди. Я знаю, что ты выиграешь...

Он в изумлении смотрел на нее и не узнавал. Она была бледна, но глаза ее горели и руки дрожали. Точь-в-точь как за игрой, у Чирковых.

— Иди, иди! — повторяла она настойчиво, протягивая ему деньги.

Он радостно схватил их и вскочил, словно от пружины.

А маклер, зарисованный на полотне, корчился от смеха и так гримасничал, что картон скрипел и шевелился.

Не могу сказать с точностью, получил ли Чертенюк за свое дело «аттестат зрелости» с правом самостоятельно пакостить; но то, что он сделал, может видеть каждый посетитель любого клуба. Там толкуются сотни Виталиных. Им когда-то раз удалось выиграть, и призрак былой удачи властно овладел всеми их помыслами.

Это все даровитые натуры: бывшие художники, артисты, писатели, музыканты. Все — «бывшие». Теперь они работают, чтобы только получить что-нибудь, и несут эти гроши к зеленому столу, в надежде обратить их в тысячи.

Фигуры их робки и принижены, лица жалки, всегда с растерянной улыбкой, и по этим приметам вы легко отличите их от наглецов, живущих случаем у зеленых столов, как вороны — падалью.

Виталин живет теперь в одной комнате, далеко, на Зелениной улице. Пухлов заставляет его работать и платит ему тридцать рублей за то, за что платил раньше пятьдесят.

Картина Виталина осталась только в эскизе, набросанном на картоне. Фигуры и лица стерлись и потускнели, и только поганая харя маклера как будто обновляется каждый раз.

Наталья Александровна похудела еще более, черты лица ее обострились и она, забыв о сыне, играет с не меньшим увлечением чем муж, в Чернореченском клубе, куда допускаются и «дамы».

Я думаю, черт заслужил свою награду, потому что более пакостное дело трудно и выдумать.

Так думает и простодушная Елизавета, которая не щадит ни слов, ни красок, когда начинает изливать свои чувства перед Хлоповым, иногда заглядывающим к товарищу и помогающим ему в особенно трудные минуты.

Об авторе

Андрей Ефимович Зарин родился в 1862 г. в литературной петербургской семье поэта, переводчика и публициста Е. Ф. Зарина и его жены, писательницы Е. И. Зариной. Его младший брат Федор также пошел по семейным стопам, став поэтом, прозаиком и драматургом.

А. Е. Зарин учился в петербургских и виленских гимназиях, затем в Виленском реальном училище, откуда был исключен в 1883 г. по причине ареста (будущий писатель подзревался в хранении нелегальной литерату-

ры и связях с «Народной волей»). Проведя месяц в Виленской тюрьме, Зарин был освобожден, однако до 1893 г. находился под негласным надзором полиции и в середине 1880-х гг. подвергнулся административной высылке в Саратов.

По возвращении в Петербург в начале 1886 г. Зарин служил чиновником в Государственном банке и Управлении государственных имуществ. Одновременно, используя широкие литературные связи матери с видными писателями, усиленно пытался выстроить литературную карьеру; с 1887 г. он регулярно печатал рассказы, очерки и стихи в «Живописном обозрении». С 1888 г. Зарин полностью посвятил себя литературной деятельности; с тех пор он публиковался в более чем 60 столичных и провинциальных изданиях самой различной направленности, опубликовал свыше 100 книг.

В обширном литературном наследии Зарина, которое принято относить к области «массовой» литературы — бытовые, мелодраматические и исторические романы, повести и рассказы; особый интерес, как сравнительно ранние образчики русского детектива, представляют его «уголовные» романы. «Высокая» критика считала их примерами дурновкусия; известен иронический отзыв А. Блока на роман Зарина «Спирит» (1902).

В 1900-х гг. Зарин был редактором журна-

лов «Живописное обозрение», «Воскресенье», «Природа и люди», а также газет «Обновленная Россия» и «Современная жизнь». В 1906 и 1908 годах привлекался к суду по обвинению в распространении статей «бунтовщического» содержания. В 1908–1908 гг. он отбывал заключение в одиночной камере петербургских «Крестов», был лишен выборных прав и права заниматься редакционной и издательской деятельностью. В 1912 г. Зарин подал прошение о восстановлении в правах, которое не было удовлетворено. Несмотря на революционное прошлое, в 1913 г., к 300-летию дома Романовых, Зарин опубликовал 13 книг о жизни русских царей, включавших повести, рассказы и очерки; позднее писал биографические книги для юношества.

После революции Зарин сотрудничал в журналах «Вокруг света», «Смена», «Красный пролетарий» и ряде газет, опубликовал несколько повестей. В 1922 г. он выступил также как сценарист драматических кинолент «Скорбь бесконечная» и «Отец Серафим» и комедии «Чудотворец», положительно отмеченной В. И. Лениным.

Повесть «Карточный мир» вышла отдельным изданием в Петербурге в 1905 г.; публикуется по этому изданию в новой орфографии с исправлением некоторых опечаток и ошибочной нумерации глав. Биографический очерк основан на статье А. И. Рейтבלата («Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь»).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

IV

Salamandra P.V.V.

Автор называет жену героя то Натальей Александровной, то Натальей Семеновной (*Прим. ред.*).

[^^^]